

INSPIRIA

Тереза
Энн Фаулер

ПОРЯДОЧНАЯ ЖЕНЩИНА

Роман

INSPIRIA

Novel. Частная история

Тереза Энн Фаулер

Порядочная женщина

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Фаулер Т.

Порядочная женщина / Т. Фаулер — «Эксмо», 2018 — (Novel.
Частная история)

ISBN 978-5-04-105099-3

Альва Эркин Смит – одна из четырех дочерей почтенного, но обедневшего семейства. В прошлом остались жизнь в Париже и придворные балы. Чтобы восстановить положение, Альве необходимо что-то предпринять. Для женщины той эпохи ответ очевиден – найти богатого мужа. Это история о знаменитой семье миллионеров Вандербильт, частью которой стала Альва. Но не навсегда. Именно она прославилась среди движения суфражисток, потребовав в возрасте 42 лет развод ради другого мужчины, поставив на карту прежнюю благополучную жизнь и мнение общества.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-105099-3

© Фаулер Т., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Жемчуг	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	53
Глава 7	64
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Тереза Фаулер

Порядочная женщина

Therese Anne Fowler
A Well-Behaved Woman

© Ермашкевич Т., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Джону за все

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Персонажи, организации и события, описанные в настоящем романе, являются продуктами воображения автора или используются в художественных целях.

Судьбой женщины правит любовь, которую она готова принять.
Джордж Элиот¹

---

¹ Цитата из романа Джорджа Элиота «Феликс Холт, радикал», 1866 г. (Здесь и далее прим. перев.)

Жемчуг

*Невинности жемчуг ласкает взгляд,
Блеск бриллианта в глазах сверкает,
Вот чем юная девушка красит
Свой подвенечный наряд.*

Из «Подарка для юных леди» (Автор неизвестен)

Глава 1

Когда ее спрашивали о Вандербильтах и Белмонтах, о торжествах и бесчинствах, особняках и балах, тяжбах, предательствах и размолвках – когда спрашивали о причинах ее шокирующих поступков, Альва отвечала, что началось все очень просто: жила-была несчастная девушка – мать ее умерла, а отец угасал с той же скоростью, с какой таяло его состояние. Летом 1874 года в свои двадцать два она чувствовала себя созревшим плодом, которому суждено сгнить на ветке, если никто его не сорвет.

– Барышни, никуда не уходите, – предупредила миссис Хармон восемь юных леди в скромных дневных платьях и соломенных шляпках, что покинули уют двух экипажей и столпились на входе в трущобы точно выводок утят.

Людей в этом квартале было очень много, а места мало, полуденный зной наполнился резким запахом конского навоза, покрывавшего брусчатку на узких улицах. Проходы меж домов завалены старыми матрасами, обломками мебели и ржавыми консервными банками. Неподвижный воздух – мутный из-за угольной сажи. На целый квартал – от Брум-стрит до Гранд-стрит – от окна к окну тянутся веревки, увешанные безжизненно поникшим бельем. Казалось, даже дома не могут стоять ровно и проседают.

– Никуда не уходить? – подняла бровь Армида, сестра Альвы. – А куда, по ее мнению, мы могли бы здесь пойти?

– Как куда – к дьяволу, конечно, – отозвалась одна из девушек. – Как и все местное население.

Остроумный ответ принадлежал мисс Лидии Рузвельт, из ойстер-бэйских Рузвельтов², кузине или племяннице (Альва запомнила) одной из учредительниц благотворительного общества. Стоит ее спросить – она перескажет всю родословную Рузвельтов в мельчайших подробностях. Само собой, Альва спрашивать не собиралась.

«Местное население» составляли изможденные девушки и женщины, которые сновали туда-сюда с какими-то узлами, старики, сидящие на ступеньках домов или подпирающие стены, и множество играющих на улице ребятишек, большая часть босиком – детей грязнее Альва в жизни не видела.

Мисс Хэдли Берг, птица одного с мисс Рузвельт полета, поддержала подругу:

– А чего еще от них ожидать? Эти люди рождаются неполноценными.

– Вы действительно в это верите? – осведомилась Альва.

– Верю во что? – переспросила мисс Берг, поправляя шляпку так, чтобы солнце не светило в лицо. – В то, что они неполноценны? – Она кивнула в сторону мальчика с грязными

---

² В XVIII веке род Рузвельтов разделился на две ветви: Рузвельты из Гайд-парка на реке Гудзон и Рузвельты из Ойстер-Бей. (Здесь и далее прим. перев.)

волосами и ободранными коленками, который рассматривал их, ковыряясь в зубах. – Что нищета – их естественное состояние?

– Разумеется, обстоятельства играют немалую роль, – заметила Армида.

Альва взглянула на нее. Они обе знали это слишком хорошо. Если их собственные обстоятельства не улучшатся как можно быстрее, они вместе с двумя младшими сестрами вполне могут пополнить ряды тех, чьи семьи ютятся в одной-единственной комнате без водопровода и делают свои дела у всех на виду в переулке или прямо во дворе. Сестрам уже пришлось ограничить себя в еде и развлечениях, довольствоваться двумя слугами вместо девяти прежних и в меру своих сил скрывать это от окружающих.

Девушки ждали, пока извозчики под управлением миссис Хармон разгрузят корзины, в которых лежало по двадцать муслиновых мешочков, перевязанных бечевкой. В каждом мешочке – небольшой швейный набор, состоящий из двух иголок, нитки, булавок и наперстка, книжечка с незатейливыми жизнеутверждающими стихами, леденец и четыре пенни. Все утро они собирали эти мешочки и теперь должны были раздать их самым бедным детям Манхэттена – беспризорникам, подкидышам, иммигрантам, сиротам. По словам миссис Хармон, хороший портной может зарабатывать целых десять долларов в неделю. Даже ребенок способен заработать двадцать центов в день – достаточно, чтобы изменить свою жизнь.

Мисс Рузвельт заявила:

– Конечно, белых мальчиков можно отмыть и отправить в школу, но джентльменами они не станут. Это просто невозможно – уж такими их создал Господь.

Мисс Берг добавила:

– Если бы только они не увлекались спиртным...

– Вот именно, – согласилась мисс Рузвельт. – Ирландцы разве что не рождаются пьяными. Без бутылки их мужчины ни за одно дело не возьмутся. Даже женщины к этому склонны. На той неделе нам пришлось уволить горничную – мама увидела, как она, пьяная в стельку, прятала по карманам столовое серебро!

– Немцы, между прочим, не многим лучше, – сказала мисс Берг.

Армида вздохнула:

– Наша немка-гувернантка и вправду была ужасной...

– Была? Кто же теперь воспитывает ваших сестер?

– Армида, – торопливо ответила Альва. – Она прекрасно справляется, а теперь, когда мамы не стало, девочкам лучше с ней, чем с чужими людьми.

– Четыре незамужние девушки, оставшиеся без матери, – покачала головой мисс Рузвельт. – Какая жалость.

– Но хуже всего евреи, – не унималась мисс Берг. – И не в пьянстве дело – если я не ошибаюсь, они не пьют из религиозных соображений. Но они такие... подозрительные, подлые... и коварные, точно – они невероятно коварные.

Альва не выдержала:

– Зато, я полагаю, все белые американцы, исповедующие христианство, совершенны?

Мисс Рузвельт закатила глаза.

– Мисс Смит, мы же просто констатируем факты. Возможно, получи вы лучшее образование, поняли бы, какие глупости говорите.

Армида поспешила встать между ними:

– Кажется, у миссис Хармон все готово.

– Итак, барышни, – возвестила миссис Хармон, присоединившись к девушкам. – Напоминаю вам, что настоящие христиане щедры не только делами, но и словами. – Раздав мешочки и построив девушек по парам, она продолжила: – Мы все можем стать лучше, независимо от происхождения. Имея необходимые средства и образование, все способны сделаться честными и порядочными людьми.

– Да, миссис Хармон, – прощептали девушки хором.

Честными и порядочными. Возможно, это все, на что смогут рассчитывать Альва и ее сестры, если хотя бы одна из них не выйдет замуж за состоятельного человека, – а учитывая отсутствие каких бы то ни было предложений, сделать это будет непросто. Семейство Смит переехало в Нью-Йорк еще до войны³, покинув ныне посрамленный Юг. Во время войны они жили в Париже, и теперь, вернувшись в Нью-Йорк, обнаружили, что для никербокеров⁴, этих преуспевающих коренных манхэттенцев, сестры Смит недостаточно хороши. Так же мало они привлекали и самонадеянных нуворишей, которые толпами прибывали в Нью-Йорк. Все, что оставалось девушкам, – искать где-то посередине.

Но даже это удавалось им с трудом. Дело в том, что четыре прекрасно воспитанные девушки из приличной семьи совершенно терялись в массе им подобных, а ряды джентльменов после войны, напротив, значительно поредел. Все это вынудило Альву скрепя сердце согласиться на некоторые ухищрения, которые должны были дать плоды через несколько недель и целью коих был один из тех самых молодых людей, что занимали промежуточное положение.

Миссис Хармон вошла в здание, девушки последовали за ней и теперь стояли в душном зловонном коридоре. Воздух здесь был гораздо теплее, чем на улице. Миссис Хармон приложила платок к шее, потом ко лбу. Мисс Рузвельт закрыла платочком нос.

– Если мы будем достаточно расторопны, нам не придется здесь задерживаться, – подбодрила всех миссис Хармон.

Мисс Рузвельт и мисс Берг она поручила обойти первый этаж, остальных девушек распределила в зависимости от их происхождения – чем ниже статус, тем выше этаж.

– Барышни Смит, вы идете на четвертый, – сказала она и кивнула в сторону мрачной внутренности здания. – Всем все понятно? Я буду ждать снаружи.

– Жаль, что вам так не повезло, – произнесла мисс Рузвельт.

Мисс Берг добавила:

– Да, приятного мало. Я слышала, наверху живут прокаженные и идиоты.

– Даже прокаженные и идиоты заслуживают милосердия, – ответила Армида, взглядом приказав Альве не поддаваться на провокацию.

Альва зашагала вверх по лестнице. Нет, она ни за что не покажет, что им удалось ее задеть. Первый этаж или четвертый – какая, в самом деле, разница? Это всего лишь обстоятельства. Они еще ничего не значат.

Армида не отставала от Альвы. На лестницах запах мочи усилился. Стараясь не дышать носом, Альва повесила корзинку на локоть и обеими руками приподняла юбки, чтобы они не касались грязных ступенек. Снизу уже раздавался стук в двери и голоса девушек: «Добрый день, мадам...»

Порядок действий был таков: две девушки на этаж, останавливаться у каждой двери, затем «вежливо постучать, представиться, узнать, есть ли в семье дети. Если пригласят внутрь, оставаться в дверях и ничего не трогать – вши и блохи умеют прыгать». Каждому ребенку от шести до четырнадцати полагался один набор. Четырнадцатилетние считались взрослыми и должны были сами зарабатывать на пропитание. К четырнадцати они уже знали, как избежать выселения и отправки с Центрального вокзала бог весть куда работать на фермах, ранчо, плантациях или в шахтах. Альва слышала, что на Юге были семьи, с радостью берущие детей на место освобожденных рабов. Девочки, которых отправляли в западные штаты, нередко становились женами местных землевладельцев. Она представила себе их жизнь: потерять родителей и дом, выйти замуж за дряхлого, сплевывающего табак фермера с изрытым оспой лицом, под-

---

³ Гражданская война в США 1861–1865 гг.

⁴ Никербокер (от голландской фамилии Knickerbocker) – коренной белый житель Нью-Йорка, ведущий свою родословную из голландского Нового Амстердама XVII века.

ниматься ни свет ни заря, чтобы подоить козу или корову, один сопливый отпрыск на руках, другой – еще в животе... Какое облегчение, что Джулии, младшей из сестер Альвы, уже исполнилось пятнадцать.

Они с Армидой наконец добрались до тускло освещенной площадки четвертого этажа и остановились передохнуть. В воздухе стоял странный резкий металлический запах. Альва хотела спросить о нем у сестры, как вдруг заметила девушку, лежащую без движения у второй двери. Темная до черноты кровь пропитала ее юбки и растеклась вокруг. Армида ахнула, развернулась и побежала вниз по лестнице, зовя на помощь миссис Хармон.

Дрожа всем телом, Альва опустилась на колени возле девушки и взяла ее за руку. Рука оказалась холодной и безвольной. Грудь девушки была неподвижна. Альва наклонилась и приложила к ней ухо. Тишина.

Альва отшатнулась. Ее была такая дрожь, что ее не удавалось сдержать, даже обхватив себя руками.

Девушка умерла. И перед этим ей было страшно и больно.

Несколько лет назад Альва слышала на каком-то приеме, как две холеные дамы, разодетые в мех и жемчуга, обсуждали визит, который они незадолго до того нанесли в трущобы квартала Файв-Пойнтс⁵:

– Просто удивительно, не правда ли?

– Да, совершенно невероятно! Представьте, что для кого-то в этом заключается вся жизнь – к счастью, наверняка недолгая.

– Люди готовы умереть, чтобы только выбраться оттуда!

И рассмеялись над своим остроумием. Альва тогда тоже улыбнулась, еще не зная, насколько тонка грань между привилегированной жизнью и нищетой. Умереть, чтобы выбраться, – ужасно смешно!

А теперь она сидит возле мертвой девушки. Была ли бедняжка напугана тем, что с ней происходит, или, возможно, почувствовала облегчение, ведь ждать от этой жизни ей было нечего?

На ступеньках раздались торопливые шаги.

– Кэти! – воскликнула девочка, чье сходство с умершей бросалось в глаза. – О нет, нет, нет... – Альва отодвинулась, девочка упала на колени, схватила умершую за плечи и попыталась приподнять ее. – Ну же, Кэти, – повторяла она. Голова умершей запрокинулась назад. В глазах девочки застыла паника. – Кто-то пошел за доктором, но разве его дождешься... Откуда идет кровь? Что мы можем сделать?

– Слишком поздно, – проговорила Альва. – Мне очень жаль. Она уже не дышала, когда я... Мы пришли слишком поздно.

– Неправда! – зарыдала девочка. – Что случилось? Когда я уходила утром, все было в порядке.

– Мне очень жаль.

У Альвы в кошельке было пятьдесят центов. Дрожащей рукой она протянула их девочке.

– Это, конечно, немного, но...

Девочка отмахнулась:

– Деньги ей не помогут!

– Но вы сможете...

– Только это вы и умеете! Уходите отсюда! – крикнула девочка. Лицо ее покраснелось, по щекам текли слезы. – Уйдите!

---

⁵ Файв-Пойнтс – район в южной части Манхэттена, существовал в XIX веке, печально известен своими трущобами.

– Мне жаль, – повторила Альва и оставила девочку ожидать врача, который не сможет ничего исправить.

Ее слова эхом отдавались у Альвы в голове. Мертвой девушке деньги и вправду не помогут. «Но, Господи, – подумала она, – пусть они помогут мне!»

Глава 2

Все без исключения девицы на выданье были невероятно хорошенькими – фарфоровая кожа с нежным румянцем, осиные талии, шелка, поблескивающие подобно воде в лучах солнца. Обеденный зал отеля «Гринбрайер» был полон девушек, чьи заботливые матери без устали напоминали им, как правильно держать чашку, дабы подчеркнуть хрупкость запястья; отовсюду только и слышалось: «...выпрями спину, улыбайся, скромный взгляд, и опусти ресницы». Молодые люди, числом втрое меньше, все в крахмальных белых воротничках и льняных куртках, смотрели по сторонам, улыбались и кивали, точно покупатели на аукционе племенных лошадей.

Мисс Консуэло Изнага, ближайшая подруга Альвы с детских лет, когда они проводили лето в Ньюпорте⁶, придумала, как найти ей жениха, и настояла на том, что «Гринбрайер» для этого – самое подходящее место. По крайней мере, для Альвы. Сама Консуэло, располагая средствами, связями и красотой, замуж отнюдь не торопилась – в этом просто не было необходимости, ведь ее отцу удалось сохранить свое богатство.

Изнага владели плантациями сахарного тростника на Кубе. До войны они каждое лето спасались от кубинского зноя в мягком климате Ньюпорта и часто селились на той же улице, где семейство Смит снимало коттедж, сбежав от удушающей жары Манхэттена. Господин Изнага любил повторять: «Человек должен верно служить земле, сделавшей его богатым» – завуалированная критика в адрес отца Альвы, который гораздо охотнее продавал хлопок, чем выращивал его. Поскольку рынок хлопка находился в Нью-Йорке, жена и дочери Мюррэя Смита поселились там же. Не подозревая о натянутых отношениях между отцами, Альва и Консуэло привязались друг к другу с той беззаветной любовью, каковой способствует беспечное детство, и больше замечали у себя сходства, нежели различия.

В годы войны они каждую весну проводили несколько недель в Париже. Расставаясь, писали письма. Позже, вскоре после возвращения Смитов на Манхэттен, отец Консуэло из деловых соображений тоже купил там дом. Альва знала Консуэло как саму себя. Ничто не могло встать между ними. Даже когда на семью Альвы обрушились несчастья, Консуэло осталась ее верной подругой.

Она выбрала для Альвы Уильяма Киссэма Вандербильта, с которым познакомилась год назад в Женеве. Все звали его просто Ви-Кей. Манхэттенец в третьем поколении, родом он был из богатой семьи, которой никак не удавалось выбиться в высшее общество. Консуэло убедила его, что безупречная родословная Альвы в сочетании с состоянием и влиятельностью Вандербильтов поможет склонить чашу весов в нужную сторону, и Вандербильты вместе со Смитами наконец получают признание.

Слишком уж оптимистичное пророчество.

И все же, по мнению Консуэло, Уильям заинтересовался как ее обещаниями, так и ее подругой. По мнению же самой Альвы, он походил на резвящегося щенка – ее не покидало ощущение, что каждый раз при встрече он весело ее обнюхивал и убегал. Она ему, конечно, понравилась. Но ему также нравилось дурачиться с друзьями, править четвериком в Центральном парке, показывать карточные фокусы, участвовать в регатах и вести оживленные беседы с привлекательными юными леди, в числе которых оказалась и Альва. «Альва Смит? Честная, порядочная девушка?» – скажет он своим друзьям и выберет другую, с более интересными характеристиками.

---

⁶ Ньюпорт – город в штате Род-Айленд; в конце XIX века – популярное место летнего отдыха среди самых богатых семейств Америки.

– Посмотри-ка. – Консуэло указала на троицу молодых людей, входящих в просторный зал с высокими потолками. – Я же говорила, что он придет. – Она подозвала официанта и вручила ему свою карточку, на которой успела что-то написать.

– Передайте господину Вандербильту – вон тому джентльмену в голубом сюртуке, – что мы приглашаем его вместе с друзьями составить нам компанию.

Официант ушел, и Альва тяжело вдохнула.

– Волнуешься? – спросила Консуэло. – Не бойся. Он подойдет.

– И что тогда?

– Тогда ты поднимешь свою чашку, чтобы подчеркнуть хрупкость...

– Консуэло, я не шучу.

– И перестань хмуриться! «Юные леди, которые надеются найти мужа, достойного во всех отношениях, должны заботиться о бледности и гладкости кожи и приятном выражении лица» – это я прочла в «Правилах этикета». А еще, если часто хмуриться, будешь выглядеть старше на шесть лет! Научно доказано. – Консуэло умолкла и нахмурилась: – Что это там происходит?

Альва обернулась – посланный ими официант еще пересекал просторы зала, а к джентльменам уже подошел другой. Он вручил что-то Уильяму и указал на столик, за которым сидели юные леди, которые, по всей видимости, и передали это «что-то». Молодые люди встали из-за стола и направились к девушкам. Русоволосый Уильям с ямочками на щеках на ходу принял у подошедшего официанта записку Консуэло и сунул ее в карман.

– Ну вот, – вздохнула Альва, повернувшись к Консуэло. – На твоём плане можно ставить крест.

– Это на твоей уверенности можно ставить крест! Да, Тереза Фэйр хороша собой. Здорово, наверное, иметь такие рыжие волосы! Но зато миссис Фэйр настолько невыносима, что лишь самый отчаявшийся человек осмелится иметь с ней дело.

– Хороша собой и юна, – заметила Альва. – Ей, наверное, не больше четырнадцати.

– В Греции девочек выводят в свет в десять – в Нью-Йорке это тоже не запрещается. Поэтому радуйся, что тебе не придется конкурировать с ребенком. – Консуэло потянулась за своей чашкой. – Не расстраивайся. Уильяму ни к чему фэйровское серебро. Его дед сказочно богат.

– Да, но всего лишь дед, а не отец.

– Очень старый дед, который не будет жить вечно. – Консуэло наблюдала за компанией. – Интересно, сколько у него в самом деле денег?

– У Уильяма?

– У его деда, Командора⁷ Вандербильта. Писали, что его паровая яхта размером с военный корабль еще двадцать лет назад стоила полмиллиона долларов! У отца Уильяма состояние тоже немаленькое. Все, что им нужно, – твоя безупречная родословная, которая перевесит любые слухи о военных спекуляциях, политических подкупах и делишках сына.

– Сына? Какого сына?

– Папа говорит, что дядя Уильяма, Корнелий Вандербильт, заядлый игрок и никогда не платит по долгам. Еще с ним случаются припадки. Конвульсии.

– Ты никогда мне об этом не рассказывала!

– Точно?

– Если бы я знала, я...

– Отказалась бы от него? Но ты не можешь себе это позволить.

Альва снова повернулась в сторону столика Терезы Фэйр.

---

⁷ Командор – высшее воинское звание во флоте США. Корнелиус Вандербильт получил такое прозвище, став владельцем крупнейшего пароходного бизнеса в 1830-е гг.

– Какое платье... – Она сокрушенно покачала головой.

– Фигурка у нее точеная, это правда. Но, как я уже сказала, ее невыносимая мамаша...

– Жить с ними не станет.

– Не стала бы. – Консуэло погрозила Альве ложечкой. – Если бы. Но этому «если бы» не суждено случиться, поскольку мисс Фэйр – посредственность. Зато ты – настоящая награда.

– Только в сравнении.

До войны, прежде чем нью-йоркское общество отвернулось от тех, чье состояние не было давным-давно нажито на местных территориях, семейству Смит жилось не хуже никербоке-ров – а если верить матери Альвы, Фиби Смит, даже лучше: они были более образованными, шире смотрели на мир – ведь она вывозила дочерей в Европу, едва они начинали доставать до корабельных перил. Кроме того, их род, древний и значимый, по меркам южных штатов, в Европе считался еще более древним и значимым – Смиты являлись потомками французских и шотландских аристократов. «Мои дочери рождены, чтобы носить короны», – рассказывала Фиби всем, кто готов был ее слушать.

– Все познается в сравнении, – заявила Консуэло. – А дареному коню в зубы не смотрят.

– Лулу всегда говорит, что с плохими зубами лучше вообще не связываться.

– Что может знать старая рабыня? Тем более – посмотри на него: зубы у него прекрасные.

– Да, но будет еще прекраснее, если он перестанет демонстрировать их мисс Фэйр.

Альва поправила вырез платья. Платье было старым и сидело не так хорошо, как раньше. Одно из последних, что она заказала в Париже, прежде чем отец перевез семью обратно в Нью-Йорк. В ту пору Альва еще не понимала, что его хлопковый бизнес угасает так же тихо, но бесповоротно, как ее мать.

Вместе с повадками южанина и непоколебимой уверенностью в том, что договор можно заключить всего лишь при помощи рукопожатия, отец захлебнулся под настойчивыми волнами беспринципных дельцов, которые сбивали цены и лезли друг другу на шею, только бы удержаться на плаву. Вдобавок он вложил огромное количество денег в Конфедерацию и южные банки. Богатства, принесенные обширными хлопковыми плантациями, деньги, которые помогли ее предкам выйти в высшее общество, исчезли почти без следа.

Консуэло одернула Альву:

– Прекрати теребить платье. И сколько можно хмуриться!

– Прости, но это слишком унижительно, разве ты не понимаешь? – Альва принялась ковырять ноготь на большом пальце, с трудом справляясь с желанием его погрызть. – Как жаль, что после падения империи⁸ мы не переехали в Лондон. Дженни Джером там познакомилась со своим мужем, лордом Черчиллем. И у Минни тоже будет титул, – сетовала она, вспоминая подруг. – Я всегда думала, что выйду за джентльмена, у которого есть титул, земли и слуги. У которого есть история за плечами. Мама постоянно мне это внушала.

– Все матери так делают.

– Но к этой цели стоит стремиться, – возразила Альва. – В этом она не ошибалась.

– Да, цели у твоей мамы всегда были достойными, но вот средства для их достижения – совершенно неправильными. И почему никто ей об этом не говорил? Ума не приложу.

Всю свою юность Альва не сомневалась, что ее мать расчетлива, но вместе с тем очаровательна и пользуется уважением в свете. Сей уверенности она лишилась на приеме во дворце Тюильри, когда, сидя позади императрицы Евгении⁹ (и находясь в совершенном восторге от этой близости), услышала слова императрицы: «По-моему, миссис Мюррэй Смит – самая нелепая дама при дворе. Без умолку твердит о своих предках-аристократах, которые, кажется, жили на свете сотни лет назад. Но если ее послушать, так они у власти до сих пор».

---

⁸ Падение Второй империи во Франции в 1870 году.

⁹ Императрица Евгения (1826–1920) – последняя императрица Франции, супруга Наполеона III.

Альве тогда сквозь землю хотелось провалиться. Императрица говорила о ее матери. Императрица считала ее мать нелепой. Сама императрица...

Компаньонка ее величества ответила:

– Полностью с вами согласна – невероятно напыщенное существо. Впрочем, это даже забавно! Она уверена, что каждой из ее дочерей уготована судьба королевы. Или императрицы. Держите ухо востро! – шутливо предостерегла она и рассмеялась.

Императрица возразила:

– Мне это забавным не кажется. И мне жаль ее бедных девочек – в приличном обществе на них никто и не взглянет.

Альва не решалась подняться со своего места, боясь привлечь внимание, и продолжала сидеть, переживая невыносимый стыд и ужас.

Ее мать оказалась посмешищем.

В приличном обществе на них никто никогда не взглянет.

Теперь же мать покоилась в могиле, а сама Альва была здесь, в Западной Вирджинии, и, затянутая в корсет, сражалась – не особенно, впрочем, успешно – за внимание простого джентльмена.

Она застряла в Нью-Йорке, где вдоль бесконечных улиц тянулись обшарпанные жилые дома, а витрины магазинов подпирали покосившиеся ветхие многоэтажки. Манхэттен был совершенно неинтересен – красивых особняков совсем мало, а взмывающих ввысь костелов или прелестных парков, вроде тех, которыми Луи-Наполеон¹⁰ украсил округи Парижа, тут и вовсе не имелось. Лишь уродливые стены из кирпича и бурого песчаника и еще доски, копать, одноногие бродяги и мертвые лошади, гниющие на улицах.

Альва нуждалась в помощи.

Некоторое время юные леди пили чай в тишине. Альва видела, что сознание подруги работает совсем как у Эммы из романа Остин. Консуэло представила ее Ви-Кею на ужине у одной знакомой несколько месяцев назад. Консуэло позаботилась о том, чтобы Альва получила приглашение на первый бал его сестры. Консуэло выискивала его повсюду и обязательно упоминала при встрече Альву, превознося ее саму, хвастая ее выдающейся родословной и членством ее отца в клубе «Юнион»¹¹, внушая ему, что только его женитьба поможет Вандербилтам завоевать положение в обществе, которое так упорно их отвергает. Ни одну наследницу никербокеров за него не отдадут. Альва Смит – наилучшая альтернатива.

Задумчиво постукивая ложечкой по ладони, Консуэло произнесла:

– Я не понимаю, почему он... Не то чтобы я очень беспокоилась, но было бы неплохо, если бы о мисс Фэйр пошел какой-нибудь возмутительный слухок. Что-нибудь скандальное – например, что ее видели выходящей из домика конюха.

– Но она оттуда не выходила. Или выходила?

– Кто знает наверняка?

Альва попробовала сменить тему:

– Тот торговец углем из Питтсбурга, который сидел рядом со мной за ужином...

– Альва.

– Он очень мил и в общем-то недурен собой. Может быть, и хорошо, что он не из древнего рода...

– Альва!

– И денег у него, наверное, больше, чем у Уильяма.

– Это временно. И перестань.

---

¹⁰ Шарль Луи Наполеон Бонапарт, позже Наполеон III – первый президент Французской Республики (1848–1852), французский император (1852–1870).

¹¹ Клуб «Юнион» – клуб джентльменов, открытый в Нью-Йорке в 1836 году, один из самых старых и престижных клубов США.

Альва понизила голос:

– У него есть деньги. А мне они нужны. Возможно, он – лучшее, на что я могу рассчитывать.

– Но он же просто нувориш. А ты из рода самих Деша. Твой дед был конгрессменом, дядя – губернатором. Ты не имеешь права связывать свою жизнь с нуворишем, у которого уголь под ногтями.

– Моя мать была из рода Деша. А я из Смитов. Мой отец – инвалид, который не в состоянии заплатить по счетам. И если я как можно скорее не выйду замуж, нам придется сдавать комнаты жильцам и брать стирку на дом.

Эта картина очень ясно встала у Альвы перед глазами: отец прикован к постели, он может только пить бульон с ложечки; сутки напролет по дому шастают неприятно пахнущие посторонние люди; она вместе с сестрами разрывается между готовкой, растопкой каминов и мытьем посуды, летом бьет мух, а зимой утепляет туфли ветошью. Их жизнь может стать такой же несчастной, как жизнь людей, которых она видела в трущобах, их будущее – настолько же туманным, как будущее сестры умершей девушки. Ни один джентльмен не женится на дочерях Смита, и они все заболеют оспой или лихорадкой и умрут безобразной смертью – четыре старые девы, которых мать когда-то прочила в герцогини, маркизы или по меньшей мере в жены пэров. А может, они замерзнут зимой, и итальянец-иммигрант, обнаружив их тела под снегом, напишет оперу об их прекрасной и трагической смерти, прославится, отправится в мировое турне, заработает целое состояние и женится на девушке из обедневшей семьи европейских аристократов, которая возьмет себе имя Армида.

Вслух же Альва продолжила:

– Нас донимает бакалейщик. Я не помню, когда мы в последний раз платили прачке или Лулу...

– Да, я все понимаю, но я же знаю тебя – одних денег тебе будет мало.

Альва обернулась, чтобы еще раз взглянуть на Уильяма, внука человека, которому принадлежат чуть ли не все железные дороги на востоке, который построил Центральный вокзал Нью-Йорка, который пользовался расположением самого президента Гранта. Он и двое его друзей сидели за столиком в компании Терезы Фэйр, миссис Фэйр и двух замужних дам. Миссис Фэйр что-то с жаром рассказывала и кивала головой, точно курица.

Смотреть на Уильяма было приятно. Альва даже признавала его красивым. Зубы и правда у него отличные. И он весьма обходителен. Все так говорят. Бойкий и веселый, приятнейший и добрейший молодой человек. Конечно же, он гораздо более выгодная партия, чем какой-то питтсбургский угольщик. Глядя на него, Альва представила себе жизнь, полную удобств, жизнь, в которой ей не придется волноваться, мерзнуть или бояться, что она никому не нужна. Жизнь, в которой она, одетая по последней моде, будет восседать во главе полированного обеденного стола из красного дерева, Уильям будет сидеть на противоположном конце, а их друзья и знакомые – по сторонам, наслаждаясь французскими винами, фаршированными голубями и нежнейшими заварными пирожными *au sème*...

И не имело никакого значения, что дед его, Командор, считался грубым, эксцентричным и бесцеремонным человеком. Совершенно не важно, что его дядя слишком сильно увлекался карточными играми. И что сам Уильям не мог похвастать ни титулом, ни землями, ни какими-либо выдающимися поступками или подвигами со стороны предков хоть в какой-то войне. Альва уже утратила возможность получить титул. Если она выйдет замуж за питтсбуржца, вероятно, приобретет определенную уверенность в жизни, однако для общества она будет миссис Никто. Сделавшись же частью семьи Вандербильт, Альва станет по меньшей мере миссис Некто.

Когда Альва вновь повернулась к Консуэло, та, прищурившись, осматривала ее наряд.

– В каком платье ты будешь танцевать вечером?

– В сером фаевом – я знаю, о чем ты думаешь, но Лулу перешла лиф. Сейчас, конечно, носят другие, но оно хотя бы похоже...

– Моя мама предлагала подобрать тебе наряды на этот год. А ты отказалась, чтобы не ранить гордость отца.

– Гордость – это все, что у него осталось.

Столик Фэйров взорвался смехом. Ах, как Уильям улыбнулся мисс Фэйр! Ах, как она зарделась! Теперь Альва представила за столом из красного дерева мисс Фэйр – та восседала на ее месте, пила ее вино, ела ее голубей и слизывала со своих тоненьких, украшенных серебряными кольцами пальчиков крем ее пирожных. Мисс Фэйр сидела напротив мужа, который предназначался ей, Альва же, по локти в кипятке и щелоке, отстирывала чужие простыни – возможно даже, и самих Вандербильтов.

Консуэло взяла подругу за руку и заявила:

– Ты наденешь мое новое платье из розового муслина.

– Как будто это решит все проблемы. Нет, – отказалась Альва. – Спасибо, но в розовом я выгляжу ужасно.

Сидевшие за столиком мисс Фэйр встали и направились к французским дверям. Уильям вел мисс Фэйр под руку. Они покинули зал.

– Вот и конец, – проговорила Альва.

Что бы там ни думала Консуэло, у мистера Вандербильта явно другие планы.

– Не смей так легко сдаваться! Куда делась моя неугомонная подруга, которая бегала быстрее любого мальчишки, не боялась пробраться за кулисы в опере, и вообще...

– Эта подруга не всемогуща, – ответила Альва, поднимаясь из-за стола. – Не стану я бегать за мужчиной, который по плану должен был бегать за мной. Оставляю его мисс Фэйр. Или, может быть, тебе? Если ты о нем такого высокого мнения.

Консуэло не ответила, и поступила правильно, ибо Альва не очень бы обрадовалась, услышав, что сама Консуэло планирует сделать более выгодную партию, чем Вандербильт, – ей нужен кто-то повнушительней. И что Альва бросает слова на ветер. И что Консуэло делает для Альвы все, что может, и Альва должна быть ей за это благодарна.

Благодарность. Как близка она к обиде.

После чая, когда все прилегли вздремнуть, Альва стояла у окна в своей комнате – от волнения она не могла уснуть. Консуэло права – нельзя выходить замуж только из-за денег. Альва надеялась получить также и положение в обществе. Хотя по иным причинам, нежели у ее матери, ведь Альва не искала всеобщего обожания или возможности потешить самолюбие. Просто статус позволял женщине свободнее распоряжаться своей жизнью, защищал ее от чужих прихотей и капризов судьбы.

Об угольщике из Питтсбурга (который, в общем-то, и сам вполне может ей отказать) никто не слышал. Вандербильты же, с другой стороны, приобрели вес в политике. Альва читала газеты – они добились многого. Надо перестать артачиться и заполучить внимание Уильяма – в первую очередь ради себя самой. И если ей каким-то образом удастся провести их в высшее общество, их жизнь превратится в настоящую сказку.

Альва вызвала коридорного и велела ему сходить за Лулу.

– Скажите, что мы едем в город.

Они отправились в галантерейную лавку, где Альва купила четыре ярда черного тарлатана. Затем попросила извозчика остановиться у склона, поросшего полевыми цветами. Отмахиваясь от пчел, они вместе с Лулу нарезали портновскими ножницами огромные охапки золотарника. Спустя два часа после возвращения комната Альвы напоминала портняжную мастерскую – стол был завален обрезками ткани и ниток, ножницами, иглками и булавками,

раскрученные ленты и остатки тарлатана висели на кресле. Пол был усеян листьями и стеблями растений.

В те годы в моду вошло украшать маленькими бутонами прическу или прикреплять несколько цветков к лифу или верху рукава. Альва пошла дальше. Вместе с Лулу они прикрепили к юбке драпировку из тарлатана, затем разложили платье на кровати и старательно украсили его гирляндами крохотных букетиков золотарника.

– Как... эффектно! – воскликнула Консуэло, появившаяся в своем платье из розового муслина. – Сколько цветов...

– Она заставила меня собирать их по холмам, словно рабыню, – пожаловалась Лулу.

– Мы же там были совсем недолго.

– Я работаю в доме.

– Но ты бы не позволила мне делать это самостоятельно!

– Мистер Смит с меня за это шкуру бы спустил.

– Но это же прекрасные холмы, полные ароматных цветов...

– Полные пчел, – пробурчала Лулу. – И вы ходили там без шляпки...

Консуэло взяла Альву за руки и придирчиво осмотрела оценивающим взглядом с головы до ног.

– Прекрасно, – вынесла она свой вердикт. – Я так понимаю, ты снова в игре?

– Я не хочу закончить свою жизнь в трущобах.

– Даже не думай об этом! Думай о хорошем, и все будет хорошо. Теперь, когда Уильям тебя обнаружит, – а он непременно это сделает, если знает, что ищет, – ты должна этим воспользоваться в полной мере, – напутствовала Консуэло. – Мужчине важно почувствовать, что он выиграл награду, которой позавидуют все его друзья. Очаровывай его, Альва. Лсти ему. Понимаешь? Этой наградой должна стать ты.

Подойдя к бальному залу, Альва поняла, что совершила ошибку. Она и забыла, что стены здесь коралловые, а потолки – бледно-розовые. Даже освещение в зале казалось розоватым. Более неудачного выбора сделать она не могла.

Все остальные девушки, конечно же, приняли во внимание цвет интерьера. Зал был полон платьев бежевых, кремовых, палевых, серебряных, жемчужных, серых, пыльных, бледно-голубых и зеленых, а также всех оттенков розового. Одна смелая юная леди выбрала наряд глубокого гранатового цвета. Ее платье и каштановые волосы были убраны нитями мелкого жемчуга. Верх совершенства! Альва же стояла у входа как черно-золотое... пирожное.

Зато она определенно не осталась без внимания.

– Мисс Смит! Как... необычно.

– Вот это да! Я уже забыла, когда видела что-то подобное.

– Надеюсь, у ваших партнеров по танцам не будет аллергии на золотарник.

– Довольно осенний стиль, не находите?

– Это траур по уходящему лету?

Стиснув зубы, Альва развернулась, чтобы уйти, и столкнулась с матерью Терезы Фэйр.

– Мисс Смит, дорогая! – проговорила медовым голосом миссис Фэйр, сама элегантность в своем серо-голубом платье, с бриллиантами в ушах и на шее. И на талии. И на запястьях. И на пальцах. – Как оригинально! Столько цветов! И... вы надели юбку с обручами?

Обручей в юбке не было, однако Альве пришлось добавить кринолина, чтобы юбка не провисала – теперь она расплывалась за это ручейками пота, которые стекали по ягодицам и бедрам в чулки.

Миссис Фэйр прибавила:

– Вы настоящая южная красавица!

– Я в самом деле родом из Мобила в Алабаме. Мой отец – вирджинец. Моя семья жила на Юге за сто лет до Революции¹².

Альва знала, что Фэйры – ирландские иммигранты и вращаются в высших кругах исключительно благодаря тому, что несколько лет назад мистер Фэйр отправился на запад в поисках лучшей жизни и вместе с двумя соотечественниками обнаружил одно из крупнейших месторождений серебра. До этого миссис Фэйр содержала пансион.

– Весьма оригинально с вашей стороны, принимая во внимание количество джентльменов, прибывших с Юга, – заметила миссис Фэйр.

– С чего бы мне оригинальничать? – парировала Альва, развернулась и направилась обратно ко входу.

В бальный зал она вошла с достоинством знающей себе цену молодой леди.

В некоторой степени ее необычный наряд имел успех – целый час или, возможно, дольше Альва танцевала то с одним южанином, то с другим. Большинство были отмечены печатью благородной нищеты, которую на Юге прощали гораздо охотнее. Их горделивая осанка как бы говорила: «Да, мне приходится носить хлопковые перчатки вместо лайковых, и да, я пытаюсь скрыть потертости на туфлях». Войска северян втоптали их в землю, убивая людей, уничтожая поля, разрушая и сжигая дома. Их рабы убежали, особняки обветшали, на плантациях уже девять лет после поражения Конфедерации никто не работал. Однако их влиятельные фамилии остались неприкосновенными. Знай они, что и у Альвы за душой нет ничего кроме громкого имени, она бы провела этот час, стоя у розовой стены. А Уильям между тем успел потанцевать чуть ли не с каждой из присутствующих девушек.

После вальса питтсбургский угольщик так и не выпустил руку Альвы, продолжая говорить:

– У меня назначена встреча с очень важными людьми из Нью-Йорка. Уголь – это будущее Америки, ее сила. Я хочу сказать, политическая сила. Не все это понимают. А ведь прямо сейчас изобретаются угольные генераторы, сила которых в будущем – я имею в виду, физическая сила... то есть сила электричества, а это один из видов физической силы – позволит снабжать электричеством как индивидуальные, то есть частные, так и коммерческие учреждения...

Альва отчаянно искала взглядом Консуэло в надежде на спасение, как вдруг позади раздался голос:

– Простите, что прерываю вашу беседу...

Альва обернулась – это был Уильям.

Он продолжил:

– Мисс Смит, не уделите ли вы мне несколько минут?

– Конечно! – воскликнула Альва, и тут же спохватилась – не слишком ли стремительно? Возможно, она только что уничтожила на корню тот слабый интерес, который Уильям к ней испытывал. Хотя, может, и нет никакого интереса, и он, как и все прочие, хотел лишь спросить о золотарнике.

Кавалер Альвы был явно раздосадован, хотя недовольства не выказал. Угольщик поклонился и покинул их.

Альва произнесла:

– Мне очень приятно иметь возможность...

Какую возможность? Что бы сказала мисс Фэйр?

– Возможность быть удостоенной вашего внимания. Право, я польщена, – прибавила она.

Уильям пропустил ее вперед, приглашая пройти на широкую каменную террасу, ведущую к изысканному саду. На фоне лилового неба Аллеганские горы казались фиолетовыми.

---

¹² Американская революция 1775–1783 гг., закончившаяся образованием США.

Пересмешник без устали сыпал трелями синицы, кардинала, крапивника и гаички. Если бы Альве не предстояло в ближайшие минуты действовать согласно отведенной ей роли, она могла бы в полной мере насладиться обстановкой. Она могла бы насладиться даже компанией Уильяма. Вместо этого Альва пыталась справиться с волнением и, как подобает настоящей леди, ждала, пока джентльмен начнет разговор.

Они пересекли террасу и спустились в сад. Уильям не промолвил ни слова. Они принялись бродить по тропинкам – и вновь ни слова. Наконец Альва не выдержала затянувшегося молчания и проговорила:

– Кажется, вам понравилось танцевать на балу.

Точнее, танцевать на балу со всеми, кроме нее.

– Вы заметили? Это правда – в отличие от моего старшего брата я не намерен провести свои лучшие годы за столом, высчитывая коэффициенты прибыльности морских перевозок. Вы ведь тоже провели вечер неплохо. Вы пользовались популярностью.

Тогда почему вы не пригласили меня на танец?

(В приличном обществе на них никто и не взглянет.)

– Благодарю, – промолвила Альва. – Я училась танцевать в Париже – при дворе, – подчеркнула она согласно сценарию. – Моя старшая сестра Армида была дебютанткой на одном из балов императора Наполеона в Тюильри. Я тоже их посещала, когда подросла. Моя мать была близка с императрицей Евгенией и ее знаменитой подругой, Мелани де Пурталес.

(Громко сказано.)

(Будь наградой.)

На тех балах мать демонстрировала Альву знатым джентльменам, словно та была развлечением, которое им обещают. Она всем рассказывала, как хорошо ее дочь танцует, как прекрасно говорит по-английски, по-французски и по-немецки. Может быть, она пока и не первая красавица, но ведь очень хорошенькая и так прекрасно себя держит, *n'est-ce pas?*¹³ А уж ее родословная...

Уильям пригласил Альву присесть на скамейку, и она попробовала завести с ним беседу.

Она: «Как вам нравится эта новая игра – лаун-теннис? Держу пари, вы в ней очень хороши». (Похлопать ресницами. Улыбнуться.)

Он: «Я и вправду играю в теннис и, кажется, довольно неплохо. Хотя сейчас для него слишком жарко. Зато для яхтинга самое время».

Она: «Вы долго жили в Лондоне? А в Париже? *Parlez-vous français?*»¹⁴ (Долго. В Женеве. В школе.)

Он: «У меня страсть к лошадям – разводить их, устраивать скачки. Согласитесь – просто невероятные животные». (Она – молча – не согласилась.)

Однако Уильям, похоже, не получал от беседы никакого удовольствия. Он тер глаза. Чихнул, достал платок и вытер нос. У Альвы сводило от волнения живот. Ей казалось, они целую вечность сидят в лодке, попавшей в водоворот. Улыбка словно приклеилась к ее лицу. Наконец она выпалила:

– Мне очень не нравится вам такое говорить. Но на днях я кое-что слышала. О мисс Фэйр. И лично мне хотелось бы знать подобное о леди, прежде чем становиться ее другом. – Брови Уильяма заинтересованно поползли вверх, и Альва продолжила: – Судя по всему, она вступила в... довольно близкие отношения... с молодым человеком, который работает на ее семью.

– Неужели?

---

¹³ Не так ли? (*фр.*)

¹⁴ Вы говорите по-французски? (*фр.*)

– С конюхом. – Брови Уильяма поднялись еще выше. Альва прибавила: – Так мне сообщили. Я не знаю, правда ли это, но...

– У меня были некоторые сомнения насчет мисс Фэйр, – сказал он и снова чихнул. – Это только их подтверждает.

– Я очень не люблю распространять слухи, но в данном случае...

– Мисс Смит, – перебил ее Уильям и положил перчатки на скамейку.

Снова взял их в руки. Положил обратно. Похлопал по ним.

– Мисс Смит, – повторил он. – У Корнеля, моего старшего брата, трое детей. У Маргарет, старшей сестры, – четверо. У моей младшей сестры Эмили – один, и – с вашего позволения – второй вот-вот появится.

– Как много у вас племянников, – заметила Альва. – На праздниках, должно быть, очень весело.

– Это правда.

– И я уверена, что ваше присутствие делает их еще веселее, – выдала она самым подострастным тоном.

Уильям снова поднял перчатки со скамейки и сжал в руках.

Опять чихнул.

– Мне кажется, это, – он прижал к носу платок, – все цветы на вашем платье.

– Ах, прошу прощения, – воскликнула Альва, принялась обрывать цветы с подола и отбрасывать подальше.

– Прошу вас, не надо, – махнул он рукой в ответ на ее извинение и отодвинулся на дальний конец скамейки. – Я хотел уточнить – как я понимаю, ваш отец сейчас испытывает некоторые затруднения.

Альва остановилась. Он решил поговорить о ее отце?

– Что ж, – проговорила она, – да, правда, но это ненадолго. Понимаете ли, отец приболел. Как только он поправится...

– Безусловно. Однако, если вы не против, я бы с радостью предложил ему свою помощь. Я хотел бы побеседовать с ним, когда вернусь в Нью-Йорк.

Неужели Вандербильты начали ссужать деньгами и Уильям ищет клиентов? Быть может, она действительно переоценила свои возможности. Быть может, ей лучше сию же минуту вернуться к угольщику из Питтсбурга...

– Это очень мило с вашей стороны, – ответила Альва, подбирая юбки и поднимаясь со скамейки. – Но мне кажется, он предпочел бы...

– Я имею в виду – побеседовать с ним как его зять, – добавил Уильям, тоже вставая.

– Как его зять?

– Я... да. Конечно, если вас это устроит. Я давно искал возможность поговорить с вами наедине. Именно поэтому и приехал сюда. Я сознаю, что мое предложение может показаться вам неожиданным...

– Если не сказать больше! Вы даже не пригласили меня на танец.

– Прошу прощения. Я... Мисс Смит, мне нелегко принимать серьезные решения. Мне пришлось собрать все свое мужество, чтобы только поговорить с вами. Поскольку, как справедливо замечают мои родные, мне пора... Поэтому я подошел к этому вопросу со всем вниманием, и, как вы, я думаю, знаете, мы – все мы – располагаем весьма небольшим выбором, соответствующим нашему положению, и вы показались мне хорошим вариантом, и, насколько я могу судить, вы чувствуете то же самое. В моем отношении.

Альва стояла и моргала самым нелепым образом. Потом засмеялась.

– Мисс Смит?

Неужели все настолько просто?

– Боюсь, я не понял шутки, – проговорил Уильям.

Несколько комплиментов, парочка угодливых замечаний, брошенных на подготовленную почву.

Вернув самообладание, Альва уточнила:

– Вы уверены?

– Уверен.

– Я думала, что мисс Фэйр...

Уильям покачал головой:

– Она мне не подходит. Но вы – вас устраивает мое предложение?

– Да. Да! Более чем. Именно это я и надеялась услышать.

Рот Уильяма растянулся в улыбке, и он вновь стал похож на довольного щенка.

– Прекрасно. Значит, продолжим знакомство в Нью-Йорке. Я надеюсь, вы поймете, что со мной приятно иметь дело – если нет, вы всегда можете отказаться.

– Мне уже чрезвычайно приятно иметь с вами дело. Мистер Вандербильт, прошу вас, навестите моего отца как можно скорее.

– Можете называть меня Уильям.

– Только если вы будете называть меня Альва.

– Альва, – произнес он. – Альва. Отлично. Значит, договорились.

Следующим утром Альва встретила в коридоре мисс Фэйр.

– Очень умно, мисс Смит. – Голос мисс Фэйр звучал еще более кукольно, чем ее внешность. – Весь вечер вы делали вид, что интересуетесь господином с Юга, однако это была всего лишь уловка. Я видела вас в саду. Вы влюблены в него, не так ли?

– Влюблена?

– В мистера Вандербильта. Даже не пытайтесь отрицать.

«Влюблена в него? – пронеслось в голове у Альвы. – Да мы едва знакомы».

Вслух же она сказала:

– Что ж, теперь это очевидно. Я вынуждена это признать. Он предложил мне выйти за него замуж, и я согласилась. Мне весьма жаль, если это расстроило ваши планы. Но в будущем вас ждет множество других возможностей. Желаю вам всего наилучшего.

Любовь слишком ненадежна, на ней нельзя построить брак – каждая юная леди знает об этом. «Чувствами должен управлять рассудок», – повторяла мадам Дэнис, любимая учительница Альвы. «Рассудок вас накормит, оденет, обеспечит вас домами, лошадьми и безделушками. Чувства подобны шторму в океане и, если вам повезет, доставляют лишь небольшое неудобство. Но сколько девушек потеряло дорогу в этом шторме. Некоторые из них так и не вернулись».

Альве не нужно любить Уильяма Вандербильта. Ей нужно выйти за него замуж.

Глава 3

– Я много рассказывал о вас отцу и деду, – сказал Уильям Альве во время прогулки по парку Вашингтон-сквер перед ужином в доме Командора. – Они с нетерпением ждут возможности убедиться, какую прекрасную партию я составил. По-моему, дед даже подстриг бакенбарды ради такого случая.

– Я тоже буду рада с ними познакомиться.

Альва была довольна собой – такой энтузиазм со стороны будущих родственников казался ей очень трогательным.

Уильям добавил:

– Но я бы не хотел, чтобы вы обманулись в своих ожиданиях. В газетах деда зовут старым тираном не без причины.

– Он и правда тиран?

– Вовсе нет. Но он – как бы это выразиться – в меньшей мере владеет искусством держать себя в обществе, чем джентльмены, с которыми вы привыкли иметь дело.

– Если вы опасаетесь, что я буду судить по его поведению о вас, можете не беспокоиться – в моих правилах воздавать каждому по его собственным заслугам.

– Прекрасно! Это и в моих правилах. Общество погрязло в мудреных нормах и обычаях...

– И в самом деле! Иногда это так раздражает.

– Приятно, что вы меня понимаете – и что вы весьма интеллигентны! Я так и сказал отцу и деду: «Она не из тех барышень, которые не умеют думать самостоятельно». Взять хотя бы ваше платье с цветами – к сожалению, именно на эти цветы у меня аллергия, – я сообщил им, что вы были единственной девушкой на балу, проявившей оригинальность.

– А вы были единственным джентльменом, чье мнение для меня важно.

В общем-то ее комплимент был довольно искренним. Только убедительно ли он прозвучал? Альве никак не удавалось постичь искусство тонких намеков в той мере, в которой, как ей казалось, им владели другие женщины – взять, к примеру, придворных французских дам. Для них подобные разговоры что-то вроде игры – игры, представлявшейся Альве забавной, когда в ней можно участвовать лишь в качестве наблюдателя.

В доме Командора Альву и Уильяма проводили в кабинет. Комната с высокими потолками была обставлена добротно, однако без претенциозности. Оба джентльмена встали, чтобы их поприветствовать. Мистер Вандербильт, отец Уильяма, оказался полным лысеющим мужчиной с темными кустистыми бакенбардами, переходящими в усы, и добрыми карими, слегка раскосыми глазами. Черты лица Командора напоминали черты сына, но волосы у него были седые, а голубые глаза смотрели испытующе. Он был высоким, сухощавым и жилистым, несмотря на то, что разменял девятый десяток. И бакенбарды у него действительно оказались подстрижены очень аккуратно.

Командор подошел к Альве и взял ее за руку:

– Добро пожаловать, мисс Смит! Вот этот мальчик твердит о вас без умолку.

– Надеюсь, то, что вы услышали, говорит в мою пользу, если же нет – прошу вас, признайтесь в этом сейчас, чтобы у меня была возможность ретироваться.

Мистер Вандербильт, в свою очередь, тоже взял ее руку со словами:

– Не беспокойтесь, Уильям дал вам самую блистательную характеристику.

– Блистательную? Ну вот, теперь я боюсь, что мне не удастся оправдать ваши ожидания.

– Неужели вы не умеете блистать? – усмехнулся Командор и взглянул на отца Уильяма. – Билли, девчонка не умеет блистать!

– Какая жалость, – вздохнул мистер Вандербильт и в притворном разочаровании покачал головой.

– Ну, значит, и дело с концом. Выметайтесь! – Командор указал ей на дверь.

Вдохновенная столь радушным приемом, Альва заявила:

– К вашему сведению, я умею блистать, но, продемонстрировав эту свою способность, я затмила бы вас всех, что с моей стороны было бы весьма нескромно.

– Ага! Умница, за словом в карман не лезет, – обрадовался Командор, подталкивая Уильяма локтем. – Блистайте не стеснясь! Это уже пошло на пользу нашему мальчику. – И Командор ущипнул Уильяма за щеку.

Альва застенчиво улыбнулась («скромный взгляд и опусти ресницы»). Не так уж и сложно быть чьей-то наградой, если для этого достаточно поупражнять умственные способности. Она надеялась, что Уильям так же остер на язык, как эти джентльмены, хотя ему пока не довелось продемонстрировать подобное.

На ужин подали жаркое из говяжьих ребрышек, морковь в карамели, шпинат со сливками и маринованную свеклу. Альва наслаждалась каждым кусочком, который подносила ко рту, однако ни разу не взяла на вилку столько, сколько хотелось бы, – негоже прослыть чревоугодницей. Но какое же это было удовольствие! Еще лучше, чем обмен остротами. Даже если Уильям окажется не семи пядей во лбу, по-крайней мере питаться она будет прекрасно, как и представляла себе тем вечером в Гринбрайере. Лишь за одно только это она была благодарна Консуэло.

Беседой за столом заправлял Командор. Вначале он поведал о своем детстве на ферме отца на Статен-Айленде, после чего принялся потчевать всех волнующими историями о своих путешествиях по диким рекам Никарагуа и Нью-Джерси на пароходе. Рассказы мистера Вандербильта были гораздо скромнее – он пересказал родословную семьи Вандербильт, а затем упомянул, как тоже занимался фермерством, пока отец не привлек его к железнодорожному бизнесу.

Командор сказал:

– Все не так просто. Когда он был мальчишкой, я понял – точно не семи пядей во лбу. Пустомелей его называл. Вечно он куда-то уходил. Тогда я решил: «Раз любит ходить, пусть ходит за плугом!» И отдал ему ферму, потому что здесь от него толку не было. Однако этот хитрый лис показал мне, на что способен! Никогда еще ферма так не процветала. И я отдал ему весь бизнес: все дороги, дела, расчеты, – весь бизнес, ей-богу, и теперь мы получаем доходы, которые раньше нам и не снились.

– Мне кажется, разговоры о прибыли не очень интересны мисс Смит, – невозмутимо произнес мистер Вандербильт. – Наверняка она предпочитает темы, более близкие женщинам. – И он поинтересовался здоровьем ее отца, разузнал о каждой из сестер и попросил рассказать о годах, проведенных в Париже.

Что же, пора продать себя еще раз.

Альва сообщила им, что училась в хорошей школе:

– ...Хотя, конечно, ездить в город мне нравилось больше, чем сидеть в душном классе. Моя мать часто бывала в обществе и при дворе. Мы ходили в оперу, на балет, спектакли и концерты. *Je parle tres bien le français*¹⁵, как вы могли догадаться. Прекрасное детство. Очень много внимания в моей семье уделяли искусству и красоте. Признаюсь, когда-то мне хотелось быть дочерью императрицы Евгении. Но больше не хочется, – добавила она. – Моя доля не может быть прекраснее.

В завершение самого изысканного ужина, который Альва ела в течение года или даже дольше, Командор поднял бокал великолепного портвейна «Гаррафейра» и заявил:

---

¹⁵ Я очень хорошо говорю по-французски (*фр.*).

– Уильям, мальчик мой, от имени твоего отца и от себя лично я хочу сказать, что ты не обманул надежды семьи. Мисс Смит – девушка утонченная и благовоспитанная, в этом нет сомнения. Мы благословляем ваш союз!

Альва прекрасно показала себя и теперь могла спокойно пожинать плоды своей победы. И в то же время обвинение Терезы Фэйр в том, что она влюблена в Уильяма, сидело у нее на плече, совсем как ручной пересмешник матери когда-то, и твердило на ухо: «Любовь. *Liebe. L'amour. Amore*». Любовь к мужчине. Она читала о ней в книгах. Кажется, это происходило с другими девушками, но Альва не могла представить себе, что чувствуют влюбленные, точно так же, как не могла вообразить, что чувствуют птицы в полете.

Предостережения мадам Дэнис, несомненно, справедливы, однако неужели в любви действительно нет ничего хорошего? Чувства ненадежны, переменчивы и отнимают много времени. Из-за них героини романов постоянно попадают в неприятности. Лишь когда Элизабет Беннет перестала думать о мистере Дарси слишком много, а он – о ней, они смогли быть вместе. Только когда страсть мистера Рочестера поубавилась после тяжелого ранения, он стал достоин внимания благоразумной Джейн Эйр.

Ведь нельзя заставить человека полюбить.

Уильям выбрал ее, он женится на ней, и со временем они станут похожи на его родителей. Альва будет вести его хозяйство. Рожать ему детей. По меньшей мере она превратится в важную светскую даму. Ей никогда не придется жить в трущобах или умирать в одиночестве. Этого должно быть вполне достаточно.

– Моя мать вернулась из летнего путешествия и хотела бы пригласить вас на чай, – сообщил Уильям, стоя у окна в тесном кабинете Альвы в конце сентября.

Он зашел к ней перед отправлением на Лонг-Айленд, куда он вместе с приятелями уезжал поохотиться на перепелов. Младшая сестра Альвы, Джулия, тоже была в кабинете и делала вид, что пишет письмо подруге.

Сестры видели Уильяма всего пару раз, и им было очень любопытно, каков собой человек, который станет их спасителем. Они уже и не ждали, что кто-нибудь посватается к Армиде – в свои двадцать семь она могла надеяться лишь на вдовцов и разведенных. Девятнадцатилетняя Дженни была самой хорошенькой из сестер, однако слишком застенчивой и меланхоличной. Джулия, которой исполнилось пятнадцать, взбалмошная и капризная, к замужеству была совершенно не готова, сделай ей кто-либо предложение. Альве казалось, что сестры распыли ее своими надеждами, как биолог распыливает лягушку на дощечке.

Альва наблюдала за Уильямом. Стройный, высокий, с серо-голубыми глазами и румяными щеками. Его волосы золотились в солнечном свете. По сути, он и есть «золотой мальчик». Альва и впрямь получила награду.

Уильям продолжил:

– Если вы свободны, лучше прийти в четверг. Там будут три моих сестры и Элис – жена Корнеля. И еще Джордж. Ему нет и двенадцати, но мать его балует. Вы, конечно, понимаете, как всем не терпится с вами познакомиться.

– Это взаимно. Прямо сейчас отправлю ей записку. – Альва подошла к столу и велела Джулии уйти.

– Зачем мне уходить? – спросила Джулия, не двигаясь с места.

– Потому что я прошу.

– Ты не просишь, ты командуешь.

– Оставь нас, пожалуйста, – ласково произнесла Альва.

Джулия взглянула на Уильяма:

– Вы настаиваете?

– Иди же, – сказала Альва. – Вот поэтому мне и приходится командовать.

Уильям с улыбкой наблюдал, как Джулия ушла, надув губы.

– Так вот, – сказал он, продолжая разговор, пока Альва писала записку. – Давайте подумаем. Вы можете принести оранжевые лилейники. Они сейчас цветут? Или фиалки. Их она тоже любит. Должен вас предупредить – вы не из тех, кого она выбрала бы для меня. Сейчас она решила оставить светскую жизнь и ищет общества таких же спокойных людей. Но вы ей все равно понравитесь.

– Я уверена, что она мне понравится. И все остальные тоже.

Уильям принялся мерить шагами небольшое пространство между столом и дверью.

– Да, еще – она любит оперу. Они с отцом берут Флоренс, Лилу и Джорджа на каждое представление. Можете упомянуть постановки, которые видели.

– Опера, – кивнула Альва. – Хорошо. Я...

– Хотя нет, лучше вообще не говорите об опере.

– Почему же?

– Чувствительная тема. В Академии¹⁶ отказываются продать моему отцу ложу. Называют военным спекулянт, хотя охотно принимали его пожертвования и сами неплохо нажились на войне, – Уильям повернулся к ней: – Прошу прощения. Я не хотел так злиться.

– Что вы, я совершенно с вами согласна – такое отношение с их стороны ничем не оправдано.

– Но это так расстраивает отца, а вместе с ним и мать...

– Значит, я не буду упоминать оперу.

– Если, конечно, у вас нет возможности как-то помочь им решить эту проблему.

Возможности у Альвы не было.

– Может быть, – сказала она. – Я подумаю об этом.

– И дело не только в опере. Флоренс ужасно расстроилась, не попав в список участников бала дебютанток у миссис Астор¹⁷.

Альва благоразумно умолчала, что тоже не попала в этот список.

– И еще было ужасно неприятно, когда нас не приняли в клуб «Юнион». Я чрезвычайно благодарен вашему отцу за то, что он организовал кампанию в поддержку моих братьев, отца и меня.

– Для него это большая честь, – ответила Альва, хотя отец лишь подписал письма, которые она отправила в комиссию по приему и знакомым членам клуба.

У отца совершенно отсутствовала дипломатическая жилка – такими вопросами всегда занималась их мать.

Альва закончила писать, сложила записку и вручила Уильяму.

– Пожалуйста, передайте это матери, а об остальном я позабочусь.

Уильям принял записку и, не выпуская руки Альвы, заставил ее встать со стула.

– Понимаете, именно это мне в вас и нравится. На вашем месте любая другая разнервничалась бы и взмахнула платочком со словами: «Ах, как же я могу вам помочь?» А вы привыкли действовать. Спасибо вам, – сказал он. – Благодаря вам я стану героем семьи, – и неожиданно поцеловал.

Альву целовали и раньше. Когда ей было десять, сын смотрителя дедушкиной плантации увидел, как она гуляет в саду одна, и поспорил, что она позволит ему это сделать, – то был невинный детский поцелуй. Позже она целовалась с юным пианистом в Париже, мать которого давала ей и сестрам уроки пианино. Мама их застучала, дала ей оплеуху и запретила выходить из комнаты три дня. Затем уволила учительницу и рассказала всем, что ее сын охоч до юных

---

¹⁶ Музыкальная академия – оперный театр в Нью-Йорке, существовавший с 1854 по 1926 г.

¹⁷ Кэролайн Астор (1830–1908), – светская львица.

девушек. Неужели Альва тогда стала его добычей? И если это так, почему оплеуха досталась ей, а не ему? Из-за всего, что произошло, она чувствовала стыд и неловкость. Поцелуй Уильяма произвел сходный эффект.

Он отпустил ее со словами:

– Прощу вас, извините. Я воспользовался моментом.

Судя по звукам из коридора, Джулия успела уйти недалеко. Альва отступила назад.

– Надеюсь, погода во время ваших путешествий будет хорошей.

– А я надеюсь, что нет, – ответил Уильям, подходя к столу за шляпой. – Мужчинам нравятся бурные моря.

– Берегите себя. – Она удивилась нежности, которую вдруг почувствовала к этому человеку.

А может, это страх сжал ее горло – ведь если с Уильямом что-нибудь случится, – все пропало.

Утро выдалось теплым, и после похода в магазин Тиффани на Юнион-сквер Альва и Консуэло присели отдохнуть на скамейке в тени дубов. Шурша юбками по брусчатке, мимо прошли две леди в нарядных летних платьях из муслина с зонтиками в тон.

Хотя обычно Альва все схватывала на лету, ей потребовалось немало усилий, чтобы выучить имена всех членов семьи Вандербилт и удерживать их в голове. Трудность заключалась не столько в их количестве, сколько в том, что они постоянно повторялись.

– Сам Уильям, его отец и один из его племянников – все Уильямы, – жаловалась она Консуэло, которая проверяла, верно ли подруга все запомнила. – Сколько же в этом мире Уильямов – Уильям Шекспир, Уильям Блейк, Уильям Вордсворт...

– Еще генерал Уильям Текумсе Шерман¹⁸, не забудь.

На что Альва ответила:

– Да уж, в Атланте его забудут не скоро, – и продолжила: – Имя Командора – Корнелиус, так же зовут младшего из его двух сыновей и его старшего внука – брата Уильяма.

Консуэло заметила:

– Как же мне понравилась та брошка с изумрудом в центре и эмалевыми листиками. Вот бы Ви-Кей купил тебе опал с бриллиантами. Или бархатку со спиральками из камушков. – Она нарисовала пальцем в воздухе завитушку.

– Так что сына и внука Корнелиусов тоже зовут Корнелиями, – продолжала Альва, не слушая подругу. В настоящий момент драгоценности волновали ее меньше всего. – И хотя технически сын Командора должен быть вторым Корнелиусом, его зовут Корнелиус Джеремиа – Сиджей, а Корнелиус «второй» – это его внук, то есть старший брат Уильяма.

– Не забудь, что Корнелиус Джеремиа – черная овечка, поэтому, если о нем пойдет речь, делай вид, что ничего не знаешь.

– Не забуду. Зато тот Корнелиус, который брат Уильяма, – воплощение всех добродетелей и пример для подражания.

– Вот именно. И если ты будешь повторять это как можно чаще и желательно на публике, сумеешь заслужить милость его жены Элис – а она, знаешь ли, однажды станет матриархом всего семейства.

Альва подняла взгляд от записей:

– Я считаю, подобное звание надо заработать.

– Ты так говоришь лишь потому, что Уильям – не первый наследник. Тебе придется отравить Корнелия или придумать еще что-нибудь в таком духе, чтобы занять ее место.

---

¹⁸ Уильям Текумсе Шерман (1820–1891) – американский политик, полководец и писатель. Один из известных генералов Гражданской войны 1861–1865 гг., воевал на стороне Севера.

- Но мы ведь не при феодализме живем! Я тоже могу быть матриархом!
- То есть Элис должна просто взять и подвинуться? – рассмеялась Консуэло.
- Все, не отвлекай меня. Я очень занята.

Альва снова заглянула в свои записи. Сыну Элис и Корнеля, Уильяму Генри II, было четыре года, и называли его Билл. Их младшему сыну, Корнелиусу III, шел второй год, и его называли Нейли. Своего первенца (старшую сестру Нейли) Элис и Корнель именовали Элис.

- В этой семье напрочь отсутствует воображение, – буркнула Альва.
- Просто запомни имена.

Альва положила записи в карман:

– Что, если я не понравлюсь миссис Вандербильт? Уильям сказал, я не из тех девушек, кого бы она ему выбрала.

- Она никогда не скажет это тебе в лицо.

– Спасибо за поддержку! Только я все равно волнуюсь. У меня ведь нет никакого положения в обществе.

- Может, и нет. Деньги ты и так сможешь тратить.

– Как думаешь, может, нам сбежать и обручиться тайно? Лучше всего на следующей неделе. Как раз придет домовладелец за оплатой.

– Да, конечно, тайное бракосочетание прекрасно отразится на твоём положении в обществе. Дерзай.

- Будь я мужчиной, я бы уже давно избавила нашу семью от неприятностей.

Консуэло чмокнула Альву в щеку.

- Будь ты мужчиной, я бы вышла за тебя замуж.

- Нет, ты бы дождалась кого-нибудь поблагороднее.

- Ты права. Но тебя я любила бы больше.

На следующий день, не успела Альва опуститься в кресло в гостиной Вандербильтов, как миссис Вандербильт, чья наружность так и излучала доброжелательность, сообщила:

– Я поговорила с сыном. Если вы не против, не будем ждать долго после помолвки – мне кажется, лучше всего назначить свадьбу на декабрь.

Три сестры Уильяма и их свояченица Элис смотрели на Альву так, словно она и в самом деле была лягушкой на дощечке. Альва надеялась познакомиться и с Джорджем, однако у мальчика, по всей видимости, нашлись дела поинтереснее, чем рассматривать невесту брата, сидя в душевой комнате. Да и что, собственно, рассматривать? Темноволосая девушка среднего роста с крупными ноздрями на квадратном лице. Не дурнушка – умные карие глаза, выразительные брови, светлая чистая кожа. Но ничего такого, ради чего Джордж прервал бы свои занятия – скорее всего, он сейчас читал. Уильям как-то говорил (в некотором замешательстве), что редко видит мальчика без книги в руках.

– Я понимаю, это слишком скоро, – продолжила миссис Вандербильт, – но нам не терпится заполучить вас. Кроме того, ваша безукоризненная репутация не даст никому повода сделать нежелательные выводы.

После этих слов Альва ее полюбила, не раздумывая.

– В декабре? – повторила Лиля. – Как здорово! Представляете, если к свадьбе выпадет снег!

Четырнадцатилетняя Лиля, хорошенькая, точно бутон розы, росла в совершенно иных условиях, нежели ее старшие братья и сестры. Мистер Вандербильт набросал Альве в общих чертах летопись американских Вандербильтов. Они вели свою историю с 1650 года, когда будущий основатель рода по имени Аэртсон покинул голландский городок Де Билт и прибыл на Статен-Айленд как слуга, работающий по контракту. Уильям и семеро его братьев и сестер родились на статен-айлендской ферме, которую Командор и отдал под начало их отца, прежде

чем привлечь его к железнодорожному бизнесу. Много лет назад они переехали в город. Младшие, Ли́ла и Джордж, были уже типично городскими детьми.

Сам Командор тоже вырос на ферме. Его отец был земледельцем и паромщиком, поэтому паромщиком стал и Командор. Потом он занялся пароходами и, в конце концов, перешел на железные дороги. Впрочем, свой дом в Манхэттене он построил лишь в 1846 году и потому считался парвеню – другая причина, по которой семья не вошла в число «лучших» голландцев Нью-Йорка – Бикманов, Стейвексантов, Шермерхорнов и Джонсов. И, конечно, еще был одиозный дядя Си-Джей.

– Снег? Надеюсь, все же обойдется без снега, – заметила Элис, усаживая малышку Элис, нежное шестилетнее создание с очаровательной улыбкой, в кресло рядом с Альвой. – Представьте, как промокнут туфли и юбки.

– А мне кажется, это очень романтично, – отозвалась Ли́ла.

– Романтично, – пролепетала маленькая Элис. Ее платье было того же нежно-желтого оттенка, что на ее тете Ли́ле. – А я буду угощать всех чаем.

Альва погладила ее по головке:

– Спасибо, это будет очень кстати.

– Смотрите, она не забудет ваше обещание, – предупредила Элис. – Лучше не тешить ее надеждами.

Альва обратилась к девочке:

– Может быть, ты напоишь чаем самых главных гостей перед свадьбой? Ведь в день свадьбы ты будешь очень занята.

– Почему я буду занята?

– Как почему – а кто же будет нести цветы?

Они обсудили все детали. Свадебный завтрак подадут здесь, в доме родителей жениха, четырехэтажном угловом здании с собственными конюшнями. Флоренс сказала, что Альве следует выбрать белоснежное платье по примеру королевы Виктории, и торт тоже должен быть белоснежный, как у Ее Величества.

– Символ невинности невесты, – прокомментировала Элис, простодушно глядя на Альву круглыми глазами. – И саму церемонию, конечно, нужно провести в церкви Святого Варфоломея.

– Но мы же ходим в церковь Голгофы. Мне очень не хотелось бы расстраивать Преподобного Уошберна и его жену.

– После свадьбы вы будете ходить в церковь Святого Варфоломея, – заявила Элис. И это был отнюдь не вопрос.

Альва вежливо улыбнулась. Сейчас лучше воздержаться от споров.

– Конечно, если таково будет желание моего мужа, – ответила она.

Уильям не рассказывал Альве об Элис, за исключением того, что она уже семь лет являлась женой его старшего брата. Альва не ожидала, что она окажется такой... миловидной. У Элис было лицо сердечком, которое украшали нежные, полные губы, ясные голубые глаза, завидные ресницы и ухоженные брови, чуть темнее шелковистых белокурых волос. Для женщины, родившей за последние четыре года троих детей, младшему из коих только исполнился год, она сохранила невероятную стройность. Альва подумала, что сама она и в двенадцать лет вряд ли могла похвастаться такой тонкой талией.

– Мисс Смит, – обратилась к ней маленькая Элис, – когда вы с дядей Уильямом поженились, я буду приходить к вам в гости и играть с братиками и сестричками.

Мать похлопала девочку по руке.

– Элис, это невежливо.

– Если вы не против, – сконфуженно добавила малышка.

– Давай для начала выберем платье для девочки, которая понесет цветы, – предложила Альва.

– И для вас тоже надо выбрать платье! – воскликнула Лиля. – Вы должны перещеголять мою сестру Маргарет. Она слишком много о себе воображает.

– Маргарет – наша старшая сестра, – объяснила Флоренс. – Вам нужно обратиться к миссис Бьюкенен – дочери Астор либо покупают платья в Париже, либо шьют у нее. И Стейвесанты тоже.

Миссис Вандербильт покачала головой.

– Девочки, что у вас за страсть все превращать в соревнование?

– Мама, простите, но с тех пор, как вы вышли замуж, прошло время и многое изменилось, – возразила Флоренс. И обратилась к Альве: – У мамы есть родственники среди Рузвельтов, и ради нас она старается сделать так, чтобы их стало больше.

– Интересно. Можно подробнее?

Эмили начала рассказывать:

– Ее бабушкой по линии отца была Корнелия Рузвельт. Отец Корнелии, Исаак Рузвельт, стал одним из первых сенаторов после Войны за независимость, был федералистом, сторонником Александра Гамильтона. Все называли его Патриот.

– Сенатор Рузвельт, – проговорила Альва, вспомнив высокомерие Лидии Рузвельт и ее презрительное отношение к окружающим. – Звучит внушительно.

– Судя по тому, какой прием нам оказывают – а чаще не оказывают, – так не скажешь, – вздохнула Эмили.

– Возможно, в свете просто не догадываются о вашем происхождении?

– Может быть, – согласилась Флоренс. – Мама считает, что хвастаться неприлично.

– Дело в том, что свет отказывается принимать нашего дедушку, Командора, – пояснила Эмили. – В газетах его называют – цитирую: «барон-разбойник в условиях современного феодализма».

– Еще его зовут железнодорожным деспотом. Конечно, с появлением в семье Элис наше положение немного улучшилось, – добавила Флоренс.

Элис скромно пожала плечами, и Эмили продолжила:

– Хотя отец Элис, мистер Гвинн, родом из Сент-Луиса, он пользуется уважением со стороны своих коллег-юристов. Поэтому жены и дочери его коллег нас принимают охотнее. Но сейчас все время Элис отнимают дети и церковь, – сказала она беспечно. Чересчур беспечно. – Поэтому, мисс Смит, мы надеемся, что вы сможете продолжить начатое.

Миссис Вандербильт вновь покачала головой:

– Я даже не пытаюсь понять всю эту шумиху вокруг «высшего общества». Одних в него почему-то принимают, другим отказывают... Как будто после войны написали новый свод правил и раздали его только некоторым дамам.

– Мама, в этом нет ничего мудреного, – ответила на это Флоренс. – Просто сейчас важнее всего, какая у семьи история и репутация.

– Да, – подхватила Эмили. – В семье должно насчитываться не меньше четырех поколений джентльменов. Как у мисс Смит – если не ошибаюсь, ваши предки переехали сюда в начале восемнадцатого века?

– Верно, – кивнула Альва. – Но поначалу они жили не на Манхэттене.

– Это не важно, – отмахнулась Эмили.

Миссис Вандербильт продолжала сокрушаться:

– Теперь, чтобы твоя дочь попала в правильное общество и удачно вышла замуж, нужно участвовать в каких-то состязаниях! Раньше все было иначе.

– Не отчаивайся, теперь у нас будет мисс Смит, которая станет нашим полководцем, – улыбнулась Флоренс.

Вот только у мисс Смит не было ни оружия, ни войск. Мисс Смит вполне могла оказаться испорченным товаром, который всучили доверчивому покупателю. Если бы мисс Смит была чуточку умнее, она уже давно сменила бы тему разговора.

– Миссис Вандербильт, – произнесла Альва. – Я хотела спросить, можете ли вы посоветовать нам с Уильямом агента по недвижимости. Я думаю, что...

– Мама, расскажите ей! – перебила Лила.

– О чем?.. – удивилась Альва.

– У нее для вас есть сюрприз.

– Сюрприз! – подпрыгнула малышка Элис.

Миссис Вандербильт улыбнулась внучке.

– Что ж, кажется, теперь мне не удастся сохранить это в секрете. Мой муж решил подарить вам с Уильямом на свадьбу дом на Сорок четвертой улице. Мы подумали, что это станет отличным началом семейной жизни.

– В дом уже подбирают прислугу, – прибавила Эмили, положив руку на свой округлившийся живот. – Оглянуться не успеете, как вам понадобится помощь.

– По крайней мере, мы на это надеемся, – поддержала миссис Вандербильт. – Что касается слуг, я обратилась в агентство...

– Боже мой! – воскликнула Альва, подойдя, чтобы поцеловать ее. – Невероятная щедрость с вашей стороны. Право же, я не знаю, как вас благодарить...

Миссис Вандербильт покраснела.

– Прошу вас, сядьте. Это мелочь – и, уж поверьте, этот дом нужен мне не меньше, чем вам обоим. Я рада, когда никто ни в чем не нуждается.

Усевшись в кресло, Альва сказала:

– Вы упомянули прислугу. Я немного облегчу вам задачу. Со мной переедет Мэри...

– Мэри? – переспросила мисс Вандербильт.

– Дочь нашей служанки. Ей всего пятнадцать, но она помогает нам с прическами и нарядами едва ли не с рождения.

Элис недоумевала:

– На вас работает ребенок?

– Дело в том, что ее мать, Лулу, была рабыней. Она решила не уходить от нас, и, само собой, девочка...

– Не хотите ли вы сказать, что ваша камеристка – негритянка? – осведомилась Элис.

– Именно. Это идеальная для нее должность, и она прекрасно с ней справляется.

– В лучших семействах вся прислуга белая, – возразила Элис.

Альва изо всех сил старалась держать себя в руках.

– Она мне нравится, я ей доверяю, и ей все равно скоро придется устраиваться на работу.

Поэтому она остается со мной.

– Она хотя бы читать умеет? – осведомилась Элис.

– Да, Лулу водила ее в школу. – Альве с трудом удалось не повысить голос.

– Надеюсь, она не совсем черная, – заметила миссис Вандербильт.

– Ее кожа довольно светлая, – начала Альва. – Вот только это совершенно ничего...

– А кто ее отец? – перебила Элис.

– Не понимаю, какое отношение это имеет к делу.

Миссис Вандербильт вмешалась:

– Это не важно. Очень мило с вашей стороны заботиться о ее положении.

– Благодарю вас, – сказала Альва, натянуто улыбаясь Элис, которая ответила ей столь же неискренней улыбкой.

– Когда у вас выдастся свободный денек, – сменила тему миссис Вандербильт, игнорируя их взгляды, – мы должны вместе заехать в агентство миссис Коулмэн и подобрать осталь-

ных слуг. Как же это захватывает! – Она посадила внучку на колени. – А ты любишь играть с кукольным домиком?

Глава 4

– Еще девять недель! – вздохнула Армида, закрывая бухгалтерскую книгу отца. У них осталось семьдесят пять долларов. В месяц расходы составляли самое меньшее девяносто пять долларов. И без того им уже приходилось перебиваться картошкой, сыром, яйцами и хлебом. Она продолжила: – Если я пока не стану платить по некоторым счетам, мы как-нибудь справимся. Я уже заплатила прачке и бакалейщику, а для остальных придумаю оправдание.

– Например, вот такое: «О господи, мы совершенно забыли об оплате, сами понимаете – вся эта суэта перед свадьбой с мистером *Вандербильтом*», – изобразила рассеянность Консуэло.

– Отличная отговорка, – кивнула Альва. – Армида, можешь поучиться.

Они сидели в гостиной – Консуэло показывала Альве карточную игру, которую освоила в Лондоне, и наигрывала смешные мелодии на банджо. Мюррэй Смит дремал или читал наверху – он теперь редко занимался чем-то другим, поскольку любое усилие могло повлечь за собой еще один инфаркт.

– Что касается твоей свадьбы... – начала было Армида.

– Давай не будем, – попросила ее Альва. – Мы так хорошо проводим время.

Теперь, когда ее будущее и будущее ее семьи было обеспечено, бытовые вопросы казались невыносимыми – ведь ей придется покинуть дом, впервые жить отдельно от сестер. Сама мысль об этом казалась странной и пугающей – всю жизнь они были четырьмя шлюпками, связанными вместе в бушующем море, а теперь ее литье вскоре перережут.

Рядом больше не будет ворчуньи Лулу, которая присматривала за ней с самого рождения.

У Альвы будет муж, который потребует от нее исполнения супружеского долга. Она пока не вполне понимала, что именно значит «супружеский долг», но знала, что это подразумевает физический контакт, которого ждала с ужасом. Бояться *этого* было ее обязанностью – по крайней мере, так утверждали «Журнал для леди», мать и сам Господь Бог. Поэтому Альва убедила себя, что и вправду боится.

Замужество предполагало и появление детей, которых нужно вынашивать и рожать – процессы, сопровождающиеся несказанной болью и риском. А учитывая количество сирот в книгах и в жизни, сей риск, как сказал бы мистер Шекспир, был смертельным.

Консуэло отложила банджо.

– Нет, давайте обсудим. Ты уже выбрала платье?

– Тебе никогда не говорили, что ты совсем не понимаешь намеков?

– Постоянно это слышу, – парировала Консуэло. – Так что насчет платья?

– У миссис Бьюкенен пока нет времени. Она занята бальным нарядом для миссис Уильям Астор. Мне сообщили, она примет меня в следующий вторник.

– Ах да, конечно, – заявила Консуэло. – С заказом миссис Астор повременить нельзя, ведь это миссис Астор повелевает луной, небесными светилами и, наверное, дождями тоже. Как, безусловно, и мистер Макаллистер, ее регент.

Уорд Макаллистер, южанин, родом из Саванны, был неотъемлемым атрибутом летних месяцев, которые подруги проводили в Ньюпорте. Походил он на жизнерадостного шмеля, порхающего от одного семейства к другому, осыпая всех пылью своего жизнелюбия и рекомендаций. Он продолжал заниматься этим и в Нью-Йорке под бдительным надзором Кэролайн Астор.

– А мне он нравится, – сказала Альва.

Консуэло кивнула:

– Конечно, он нравится всем дамам.

– Но мистером Астором миссис Астор не командует, – возразила Альва. – Хотя кто знает...

– А мистер Астор вообще существует?

– В газетах о нем частенько пишут.

Мистер Астор, владелец паровой яхты, выполнению всех социальных обязательств предпочитал простую жизнь морского волка.

– Может, не будем совать свой нос в чужие дела? – вмешалась Армида.

– Если ты настаиваешь, – ответила Альва.

– Помимо платья важно обсудить кое-что еще, – напомнила Армида. – Мы не говорили о том, что происходит в первую брачную ночь.

Консуэло ткнула Альву в бок.

– Когда в платье больше нет нужды.

Армида продолжила:

– Хотелось бы мне быть более осведомленной... Но все же того, что я знаю, достаточно, дабы ты не осталась совершенно несведущей в этом деле. – Сестра запнулась. – Это ведь так?

– Я предпочитаю слово «непосвященная».

– Ты не можешь обойтись без подобных замечаний, да?

– Просто «несведущая» звучит уничижительно.

Консуэло вмешалась:

– Тебе следует отдать Альве должное – точность лежит в основе успеха.

– В основе успеха лежит успех, – в шутку возразила Альва.

– Воистину так – и снова она права! – поддержала подругу Консуэло.

– Именно.

– Я говорю о серьезных вещах, – обиделась Армида.

– А мы разве смеемся? Я – само воплощение серьезности, – не унималась Альва.

Армида вновь начала:

– Как вы знаете, целью любого брака является продолжение рода...

– Но цель моего брака – спасение.

– Наверняка ты получишь и то, и другое, – заметила Консуэло.

– Это правда, продолжение рода приносит спасение.

– Совсем как банковский счет.

– Девочки, прошу вас, угомонитесь. Хотя бы притворитесь серьезными.

Обе послушно сложили руки на коленях и сели ровно.

– Продолжайте, – выдала Альва с каменным лицом.

– Насколько я знаю, мужчины испытывают особые нужды, которые относятся к... – Армида остановилась. – Помнишь, у дедушки в бараках для рабов стены были обшиты такими досками со вбитыми колышками? Так вот – представь, что жена – это доска, а муж – колышек. Точнее, нет, у него есть колышек. У всех мужчин. Он находится там, где у нас...

Альва с Консуэло прыснули со смеху.

– Колышек!

– Я просто пытаюсь объяснить...

– Но он, конечно, должен быть из плоти, – заявила Альва. – Он... он похож на палец? Может, в нем есть кости? Или одна кость?

Армида нахмурилась:

– Я не знаю. Может, и так.

Альва представила что-то вроде крошечного слоновьего хобота. Однажды она видела слона в цирке Барнума. Есть ли в слоновьем хоботе кости?

– А мужчины могут им шевелить?

– Альва, о чем ты думаешь? – зарделась Армида.

– А тебе разве не интересно? Какой он длины? И куда он девается, когда мужчина не занят... продолжением рода?

Сквозь очередной взрыв хохота Консуэло Армида проговорила:

– Это не важно. Он сам знает, как эта штука работает и как с ней управляться. Вот что важно: ни в коем случае не подавай виду, будто тебе нравится то, что он делает. Доска – это метафора. Руки держи по бокам. И не... не извивайся.

– Не извивайся! – не унималась Консуэло.

Альва нахмурилась:

– Армида, как ты можешь. Я ведь не животное.

На самом деле она была животным. Как еще объяснить то, что она делала в юности? Гуляя в парке при школе в Нейи-сюр-Сен, Альва любила ложиться на поваленные деревья, прижимаясь к ним всем телом. Иногда она тайком каталась на пони без седла, обхватив его за бока ногами. Купаясь в ванной, она нарочно терла то место, до которого запрещено дотрагиваться без необходимости. Маман была твердо убеждена, что, потакая столь грязным желаниям, девушка себя губит. Альва себя губить не хотела, однако и поделаться с собой ничего не могла – ощущения, которые она испытывала, были чудесными, и, поскольку никто после этого не начал относиться к ней иначе, продолжала это делать. Ровно до того дня, когда мать зашла в ванную и застала ее за этим занятием. Она выволокла Альву из ванны и, не позволив ей даже закутаться в полотенце, поставила лицом к рукомойнику и подняла расческу...

«Неужели моя дочь – животное?» (Удар.)

«Моя дочь никогда не будет вести себя подобным образом» (Удар.)

«Похоть – это смертный грех!» (Удар.)

«Если ты сделаешь это еще раз, ни один приличный мужчина не женится на тебе. Ты все поняла?»

Альва все поняла.

Армида тем временем продолжила:

– Дело, в том, что когда мужчины делают это с женщинами, они поддаются своим животным инстинктам. Они хотят заниматься... непотребствами. И твоя задача – этому помешать.

– Непотребствами?

Сестры обменялись беспомощными взглядами. Армида пожала плечами:

– Так говорила мадам Уитакер.

Мадам Уитакер жила по соседству с ними в Париже. Армида бывала в ее салоне по средам, когда модные леди и джентльмены собирались там выпить коньяка и мадеры и немного посплетничать.

Армида сказала:

– Предположим, это значит, что они ведут себя низко.

– И низко значит?..

– Я не знаю. Не знаю! Не важно. Я рассказываю тебе все это только потому, что порой ты ведешь себя не так, как положено леди, и...

– Что за чушь! – воскликнула Консуэло. – Мы же не в Средневековье живем...

Армида закрыла рот Консуэло ладонью.

– Альва, если твоему мужу покажется, что ты не вполне целомудренна...

– Не покажется. Я буду доской.

– Потому что одеревенеешь от страха! – засмеялась Консуэло.

– А кто бы не одеревенел? – проговорила Армида.

Спустя несколько дней расстроенный Уильям пришел, чтобы сообщить – его племянница, Элис, скончалась. Вся семья не могла оправиться от случившегося – у малышки начался

жар, доктор не увидел в этом ничего серьезного. Однако угасла девочка так стремительно, что не успели даже послать за священником. И хотя, слушая Уильяма, Альва сочувствовала убитым горем родителям и переживала за собственную судьбу, поскольку свадьбу пришлось отложить, она не могла отделаться от другого чувства, которого стыдилась, – чувства облегчения.

Ведь о том, что происходит, когда в платье больше нет нужды, можно было не думать – по крайней мере, пока.

Глава 5

Чувство облегчения не покидало Альву до тех пор, пока погожие деньки не закончились, а вместе с ними в кладовой не иссякли летние запасы. В январе Альве пришлось ограничиться двумя приемами пищи в день, чтобы Дженни и Джулии, которые еще росли, доставалось больше. Альве уже стало безразлично, что произойдет с ней и в первую брачную ночь, и в любую другую. В желудке постоянно было пусто. Ключицы и скулы у нее настолько выдались, что однажды на воскресной службе миссис Уошберн отвела ее в сторонку со словами:

– Мисс Смит, вы страшно исхудали и ужасно бледны. Я должна спросить: у вас туберкулез?

– О господи, нет, со мной все в порядке, – уверила Альва. – Просто нервничаю перед свадьбой.

– Но нельзя же забывать о еде!

О еде Альва помнила всегда – во снах она видела дымящиеся пироги с мясом, жаркое с соусом, свежайшие пирожные... Чтобы, проснувшись, столкнуться с суровой реальностью в виде одного-единственного яйца или тарелки каши, слабенького кофе и ворчания Джулии:

– Зачем только этому ребенку надо было умирать?

Альва ее ругала:

– Нельзя думать только о себе, ты должна ее пожалеть.

– Что толку ее жалеть – она ведь уже мертвая. А я хочу есть. Дома все время холодно. Весь уголь уходит на папину комнату.

– Ты предпочла бы, чтобы твой больной отец замерз?

– Мы прокляты, – не унималась Джулия. – Раньше мы жили так хорошо, а теперь мне приходится спать в одной кровати с Дженни в комнате, где изо рта идет пар.

– Но ведь вдвоем спать теплее.

– У нее нос свистит. Почему все неправильно? Когда папа поправится? Он ведь не умрет, правда? Я не переживу, если он умрет. Это нечестно.

У Альвы не было сил терпеть все это еще три месяца. Она могла бы попросить Уильяма выделить ей часть средств, которые будут причитаться ей в будущем, – он, безусловно, не откажет. Но ведь она и так терзалась, оттого что выходит замуж по расчету, – просить у него помощи еще до того, как она станет ему принадлежать, было чересчур. Однако обращаться к мистеру Изнаге или дальним родственникам ей тоже не хотелось. Отцу это было бы неприятно, да ей и самой не хотелось, чтобы посторонние мужчины решали ее проблемы. Альва совершенно не походила на тех представительниц своего пола, которые предпочитали оставаться беспомощными. Знатные дамы, судьбы которых мало отличались от судьбы перышка в порывах ветра, ее не привлекали. Она сумеет помочь себе сама.

Чтобы сэкономить на угле, отец оставался в постели, окруженный грелками, подушками и стегаными одеялами. Когда Альва вошла, он лежал на левом боку (доктора сказали, что это способствует кровообращению), открыв рот, в котором на месте коренных зубов темнела пустота. Даже во сне он дышал с трудом. Альва поставила поднос на бюро и услышала, что отец проснулся.

– Любовь моя, это вы?

– Это Альва, папа, – сказала она, поворачиваясь к нему. – Я принесла вам ленч.

Он приподнялся на локте.

– Можете передать отцу, что я согласен. Я сделаю, как он велит.

– Папочка, о чем вы говорите? – Пустая бутылочка от страмониума¹⁹ лежала на прикроватном столике. Фаулеров раствор²⁰ тоже закончился. Альва положила пузырьки в карман. – У вас был еще один приступ? Вам больно?

– Я уйду из права и стану работать на него в Мобиле. Если вы этого желаете. Хотя, видит бог, я не продавец.

Альва опустилась на колени у кровати.

– Папочка, я – Альва. Твоя дочь.

Она потянулась к его запястью, чтобы посчитать пульс.

Отец оттолкнул ее руку:

– Фиби, вам нельзя здесь оставаться. Уходите, пока кто-нибудь вас не увидел.

– Папа, перестаньте. Я Альва. Мама умерла. Сейчас тысяча восемьсот четвертый год...

– Уходите, прошу вас, – прошептал он. – Если моя мать увидит вас здесь, вы погибнете. Пожалуйста. Уходите.

– Хорошо. – Альва с трудом сдержала слезы. Отец сильно опух, был ужасно бледным, только на щеках играл лихорадочный румянец, который тоже не предвещал ничего хорошего. Возможно, он и четырех месяцев не протянет. А может быть, и четырех дней. – Я ухожу. – Она подошла к бюро, взяла из нижнего ящика шкатулку и выбежала из комнаты.

Узкую шкатулку, обтянутую синим бархатом и украшенную изящными золотыми узорами, маман называла своей сокровищницей. В ней хранилось восемь украшений, которые сестры должны были унаследовать. Мама любила доставать их из шкатулки и аккуратно раскладывать на туалетном столике. Девочки собирались вокруг и, затаив дыхание, смотрели, как на столике один за другим появлялись короткая нитка жемчуга, три броши с самоцветами, кольцо с бриллиантом и рубином, изумрудные серьги, золотой браслет, инкрустированный опалами, и булавка для платка с эмалевым павлином. Глаз павлина был сделан из крохотного, но очень яркого бриллианта, а по хвосту рассыпаны разноцветные камушки. У каждой из сестер имелось свое любимое украшение, только Джулия никак не могла определиться с выбором. Впрочем, это было не важно – сестрам казалось, что украшения никогда им не будут принадлежать, ведь для этого они должны потерять маму, что представлялось им просто невозможным. Когда же это все-таки случилось, Армида спрятала шкатулку.

– Маман сказала, что каждая из нас получит одно украшение на свадьбу и одно – в честь рождения первенца.

Так и будет. Но сперва Альва отнесет их в ломбард и постарается выторговать за них побольше денег. Потом, как только они с Уильямом поженятся, она выкупит их, а сестрам скажет, что нечаянно упаковала украшения со своими вещами, когда готовилась к переезду. Прекрасный план.

Надев уличное платье, Альва положила шкатулку в старенькую полинявшую меховую муфту, которую носила разве что не с детства. Когда она проходила мимо гостиной, Армида поинтересовалась:

– Куда ты собралась? Там ужасная погода – мокрый снег...

– Нужно зайти в аптеку, – бросила Альва через плечо, пряча шкатулку в муфту. – У папы закончились лекарства. А потом меня наконец-то примет миссис Бьюкенен.

Армида запахнула шаль поплотнее и отложила книгу.

– Свадебное платье... я забыла, что это сегодня! Я только возьму накидку...

– Нет, тебе лучше остаться. Папе нездоровится, а Лулу вышла с девочками.

– Но я не хочу, чтобы ты шла туда одна. А где Консуэло? Может, она с тобой сходит?

---

¹⁹ Страмониум – гомеопатическое средство на основе дурмана обыкновенного. Оказывает сильное влияние на мозг.

²⁰ Фаулеров раствор – раствор калия арсенита, лекарственный препарат, предложенный в 1786 году английским врачом Т. Фаулером в качестве общеукрепляющего средства.

– Она все еще на Кубе с матерью. Спасибо за помощь, но я справлюсь. Честно.

– Но ведь показываться в обществе без компаньонки...

– Я всего лишь выйду в город.

– Сейчас не время рисковать репутацией.

– Не переживай, все будет хорошо. Проверь иногда, как там папа. Он... в общем, он перепутал меня с мамой. Отнеси ему кофе, он поможет рассеять туман в голове.

Армиду взволновали ее слова – именно этого Альва и добивалась. Теперь сестра думала только об отце, и Альва могла без помех приступить к выполнению своего плана.

Когда она вышла на улицу, тучи уже рассеивались. В воздухе витали запахи намокшей шерсти и едкого дыма. Солнце, проглядывающее из-за бегущих облаков, не спасало от порывов холодного ветра. Альва подумала – может, Уильям предпочел бы проводить летние месяцы в более теплом климате, скажем, в Марселе. Марсель стоило посетить хотя бы ради местной кухни – буйабес, кролик по-провански, «ножки в мешочках»...

Купив лекарства, Альва села на конку, чтобы добраться до центра города. Рабочие девушки из трущоб устремили на нее презрительные взгляды из-под челок и замызганных шляпок. Альва отвернулась.

Улицы заполнили повозки и телеги, камни мостовой еще не просохли после дождя. Владельцы магазинов раскладывали козырьки. Перед кафе стояли столики со стульями – неубедительное подражание парижской улочке. Альва многое бы сейчас отдала, чтобы оказаться в Париже, где на берегу Сены играет аккордеон и вокруг раздаются чарующие звуки *le français*²¹, рядом с ней – обожающий ее муж, слоеные пирожки с яблоками и кофе с молоком, изысканная кованая решетка балкона в ее доме, откуда она будет любоваться прекрасными экипажами с их не менее прекрасными пассажирами...

На Чемберз-стрит конка накренилась – лошади резко остановились. Впереди перевернулась повозка, потянув за собой упряжь. Повсюду разлетались грязь и навоз, перекресток был заблокирован, мужчины ругались, вокруг собралась толпа зевак. Заплакал ребенок. Девушки, сидевшие рядом с Альвой, встали и направились к выходу.

– А вы лучше не выходите, – заметила одна из них. У нее был русский акцент. – Еще запачкаетесь.

– Да, вы для этой улицы слишком важная особа, – поддержала ее компаньонка.

Важная особа? Какой же обманчивой может быть внешность. Однако Альва промолчала – возразить ей было нечего, ведь отец ее жениха раз в месяц ужинал с самим президентом.

Альва дождалась, пока девушки выйдут, поднялась и вслед за ними окунулась в толпу.

Ей пришлось изрядно поработать локтями, чтобы добраться до противоположной стороны улицы. Упавшие лошади ржали то ли от боли, то ли от страха. Люди спешили их обойти, налетали друг на друга, что-то кричали. Шляпка Альвы сбилась, и она потянулась ее придержать.

Какое счастье снова оказаться на тротуаре, вне хаоса и грязи! Остановившись у табачной лавки, Альва подняла руки и принялась поправлять шляпку, высматривая среди витрин ломбард...

Руки...

– Нет! – вскрикнула она, напугав двух стоявших неподалеку мужчин.

Наверное, муфта упала, когда она пробиралась сквозь толпу.

Альва ринулась обратно в людской поток, наталкиваясь на одних, отпихивая других, не отрывая взгляда от брусчатки... Тщетно.

Конка! Она еще стояла на месте. Альва поспешила туда, забралась внутрь. Сердце ее стучало как барабан, пока она обыскивала сиденья и пол.

---

²¹ Французского языка (*фр.*).

– Она должна быть здесь!

– Мисс? – Водитель вышел из кабины в вагон.

– Муфта, вы не видели здесь муфту? Или шкатулку, синюю бархатную шкатулку?

– Я нашел только половинку сэндвича...

Альва выбежала из вагона и вновь принялась искать шкатулку на мостовой, моля бога, чтобы пропажа нашлась. Все было напрасно.

Вернувшись на тротуар, она вытерла слезы и решила, что больше не будет плакать. «Я со всем разберусь потом. Обязательно». А сейчас есть дела поважнее. Нельзя появляться у миссис Бьюкенен заплаканной и чумазой.

Альва сунула руку в карман пальто, чтобы достать денег на экипаж до магазина на Четырнадцатой улице.

Кошелек тоже пропал.

По дороге к миссис Бьюкенен Альва сосредоточилась на предстоящем разговоре, а не на своей глупости и утрате. Дурацкая гордость. Полюбуйтесь, как она решает самостоятельно любые проблемы! Браво, Альва Смит.

«Перестань, – говорила она сама себе. – Что сделано, то сделано. Потом что-нибудь придумаешь».

Чтобы договориться о цене с миссис Бьюкенен, ей ни в коем случае нельзя показывать волнение. Нужно убедить портниху создать образ современной невесты, доселе невиданный вне дворцовых стен. И, как было оговорено, превзойти при этом Маргарет Вандербильт-Шепард. Альва договорится о выгодной цене, а отец оплатит счет, когда после свадьбы получит деньги. И если в животе у нее заурчит, она сделает вид, что этого не было.

Переступив порог магазина, Альва услышала:

– Полагаю, к нам пожаловала будущая миссис Вандербильт! Приятно познакомиться!

Миссис Бьюкенен поспешила к ней навстречу и пожала кончики пальцев. Она оказалась гораздо моложе и красивее, чем Альва представляла. Немного за тридцать. Внимательные серые глаза, русые волосы, нос с круглым, как ягодка, кончиком. Она напомнила Альве белку.

– Я читала о вашей помолвке с «юным принцем Вандербильтом» – они его прямо так и называют, и, судя по иллюстрации, именно так он и выглядит! Давайте я помогу вам снять пальто! А теперь присаживайтесь и поведайте мне во всех деталях, как мы сделаем вашу свадьбу по-настоящему незабываемой.

«Если она состоится», – подумала Альва, усаживаясь на жаккардовую кушетку и расстегивая перчатки. Миссис Бьюкенен села на другой конец.

– Если вы имеете в виду платье... – произнесла Альва, откалывая шляпку и кладя ее в сторону. Мать научила ее раздеваться до того, как это предложат сделать. Что, по ее словам, свидетельствует о светской искушенности. Опыте. Создает впечатление, что тебя не удастся провести ни с тканью, ни с ценой. Тогда, стоя перед портнихой в одном корсете и нижнем платье, готовая к снятию мерок, ты почувствуешь, что все под твоим контролем, и не будешь стесняться.

– Вырез в форме сердца, – заявила миссис Бьюкенен и жестом подозвала строгую женщину, которая сновала по мастерской. – Записывайте. Бледно-зеленый сатин...

– Белый, – произнесла Альва. – Белый цвет – это не обсуждается.

– Ах, и вы из англофилов? Я так надеялась, что Виктория быстро выйдет из моды, но она не сдает позиций.

– С пышными оборками, – добавила Альва.

– С буйством оборок! И декольте, чтобы подчеркнуть грудь. Встаньте, дорогая.

Альва встала.

– Не уверена, стоит ли еще больше подчеркивать мою... – Она опустила глаза.

– Мода диктует свои правила. Мы должны подчиняться.

– Но моему мужу...

– Ему очень понравится, я уверена, и всем его друзьям-джентльменам тоже – лучше не придумаешь!

– Но платье должно быть скромным, – возразила Альва и, показывая на линию декольте, предложила: – Может быть, сюда добавить кружево?

– Конечно! Нижнюю блузку из тончайшего кружева, сотканного самими ангелами! И я подберу для вас шелк такой гладкий, как будто его наливают из бутылок. Для лифа, конечно же, японский китовый ус и... хм... – Миссис Бьюкенен положила руки Альве на бедра и повернула ее в одну сторону, потом в другую. – Мелкий жемчуг? Или опалы?

– Опалы будут лучше всего. – «И дороже», – подумала Альва. Но с деньгами, которые достанутся ее отцу по брачному договору, они смогут все оплатить. – Принц Альберт очень любил опалы.

– Запишите это, – кивнула миссис Бьюкенен своей серьезной помощнице.

Они обсудили отделку рукавов, швы, вышивку и пуговицы. Закончив со снятием мерок (попутно миссис Бьюкенен отчитала Альву за чрезмерную худобу), портниха сообщила:

– набросок платья будет готов к следующему понедельнику.

– Прекрасно. Я так благодарна, что вы уделите мне время. Прошу прощения, что нашу встречу пришлось отложить.

– Но ведь это произошло не по вашей вине. Ужасное событие... Все, что нам остается в подобных случаях, – искать светлую сторону... Значит, приходите в понедельник, часов в...

– Одиннадцать, – подсказала строгая женщина.

– В одиннадцать. Договорились? Если вам все понравится, мы возьмем задаток в пятьдесят процентов и примемся за работу.

– Задаток?

– Ах, прошу вас, только не обижайтесь. Ничего личного. Дело в том, что не всем в этом городе можно доверять – если не сказать больше! Если клиентка передумает или – а такое уже случалось – вдруг не сможет заплатить за платье, у нас не получится продать его кому-то другому. А мужчины сейчас так увлекаются игрой на бирже, словно это и правда игрушки. Некоторые, конечно, выигрывают. Зато другие проигрываются в пух и прах! Поэтому теперь мы просим задаток у всех, даже у миссис Астор. Смутные нынче времена, смутные. Мы просто вынуждены приспособливаться!

– Безусловно, – сказала Альва так, словно это новое требование ничего не меняло. – Моему отцу захочется узнать, сколько стоит платье...

– Пока рано называть конкретную сумму.

Вот это неожиданность. Как же ей торговаться, когда цена неизвестна?

– Может быть, вы назовете ее хотя бы примерно.

Портниха подняла глаза к потолку, словно цифры были на нем нарисованы.

– От восьмисот до тысячи двухсот долларов – да, разброс сильный, но точнее я сказать не смогу, пока не выберу бусины для отделки.

– Так много? Серьезная сумма.

Мать ни разу не платила больше сотни долларов даже за самые изысканные наряды, сшитые лучшими портнихами Парижа.

Миссис Бьюкенен кивнула:

– Да, знаю, что поделаться, послевоенная инфляция берет свое. Но будущей миссис Вандербильт я могу предложить только самое лучшее!

Альва догадалась, что фамилия Вандербильт оказала на масштабы инфляции гораздо большее влияние, чем экономические последствия войны, закончившейся десять лет назад.

В любом случае положение скверное. Задаток ни в четыреста, ни в шестьсот, ни даже в пятьдесят долларов она оставить не могла.

– Конечно, – произнесла она. – Это просто чудесно. Я так волнуюсь!

Проводив Альву до двери, миссис Бьюкенен снова пожала кончики ее пальцев:

– До понедельника!

– Да, – кивнула Альва, переступая порог. – Жду с нетерпением.

Сейчас можно пойти домой, окунуть ноги в таз с горячей водой и подумать о том, как выпутаться из неприятностей, которые она же сама на себя и навлекла. Да уж, чрезвычайно разумная юная леди. И не говорите. Настоящая деловая дама.

У крыльца остановилось очень простое и дорогое ландо, из которого вышла мисс Лидия Рузвельт. Полненькая, в ослепительном голубом шерстяном пальто с воротником из лисьего меха. Она защебетала:

– Мисс Смит, какая приятная встреча. Вы заходили к миссис Бьюкенен? Ну разве она не прелесть?

– Да, это правда. Она занимается моим свадебным платьем. Я ведь выхожу замуж за вашего кузена.

– Кузена? – мисс Рузвельт выглядела озадаченной. – Но я слышала о вашей помолвке с Уильямом Вандербильтом.

– Я так и сказала.

– Дорогая, вы что-то перепутали. Вандербильты, как бы им того ни хотелось, с нами не в родстве.

– Вы ошибаетесь, мисс Рузвельт. Мать моего жениха – внучка одного из Рузвельтов.

– И она носила фамилию Рузвельт?

– Нет, ее девичья фамилия – Киссэм. Однако ее дедом был сенатор Исаак Рузвельт.

– Получается, они родственники в каком колене? По-моему, вы хватаетесь за соломинку. Сейчас все знают только то, что Командор Вандербильт – неотесанный мужлан и нарушитель закона.

– Прошу вас, мисс Рузвельт, – такие нелिцеприятные речи не делают вам чести.

– Так все говорят. – Мисс Рузвельт подняла воротник повыше, чтобы укрыться от ветра. – Кроме того, он сплюнул табак на туфлю моего отца.

– Нарочно?

– Какое это имеет значение?

– Вы очень несправедливы к семье Вандербильт. Миссис Астор, к примеру – урожденная Кэрлайн Шермерхорн, – избавила семейство Астор от подобной репутации.

– Но она и правда была родом из семьи Шермерхорн. А не троюродной родственницей Рузвельтов. – Мисс Рузвельт направилась к двери миссис Бьюкенен, потом остановилась и выдала: – Знаете, мисс Смит, мне вас очень жаль.

– Жаль?

– Ах... по всей видимости, слухи вас еще не достигли.

«Уходи, – думала Альва. – Не позволяй ей насладиться твоим поражением. Пожелай ей доброго дня и уходи». У себя в воображении она уже видела эту сцену и разочарование на лице мисс Рузвельт...

– Расскажите, что за слухи, и я положу им конец.

Наклонившись, мисс Рузвельт накрыла ладонью руку Альвы.

– Вы знакомы с мистером Гордоном Беннетом, чей отец владеет «Геральд трибьюн»? На прошлой неделе он организовал небольшой круиз для друзей – они наблюдали за китами, – и ваш мистер Вандербильт, как я слышала, оказался весьма увлечен кое-кем из гостей – девушкой, отец которой занимается добычей серебра. Фэйр, если не ошибаюсь. Да, точно, мисс Фэйр.

– Вы ошибаетесь. Мой жених соблюдает траур и не присутствовал на яхте мистера Беннета.

– Возможно, и нет. Если, разумеется, он и правда соблюдает траур, – пожала плечами мисс Рузвельт. – Только это не важно. Даже если он и женится на вас, это вовсе не значит, что вам удастся купить себе положение в обществе. Впрочем, у вас хотя бы будет платье, и наверняка получше того, в котором, как я слышала, вы показались в Гринбрайере.

Будь Альве сейчас десять лет, она повалила бы мисс Рузвельт на землю и отмутузила – ах, как от нее доставалось мальчишкам, которые потешались над тем, что она лазает по деревьям и строит замки из палок и камней. Почему всегда находится кто-нибудь, кто осуждает ее саму и ее семью, заставляет чувствовать себя нелепой и ничтожной, хотя все, что она пытается делать, свидетельствует об обратном?

Альва выпрямилась и проговорила:

– Хорошего вам дня, мисс Рузвельт.

– И вам, мисс Смит.

Отойдя от крыльца, она уже и думать ни о чем другом не могла, кроме слуха об Уильяме. Был ли он и в самом деле на яхте Гордона Беннета? И была ли с ними на борту Тереза Фэйр? И мог ли Уильям уделить девушке столько внимания (а она ведь младше, чем Джулия!), чтобы другим показалось, будто он ею «весьма увлечен»?

Такое вполне возможно – в конце концов, Альва его почти не знала.

Если ничего не случилось, тогда почему об этом ходят слухи?

А если что-то произошло, то по какой причине? Может, Уильям всего лишь любит пофлиртовать? Или оказался настолько непостоянным, что решил не впрягать в свою повозку старую клячу вроде Альвы, имея под рукой Терезу Фэйр – моложе, красивее и без нужды в деньгах... И к тому же совершенно очевидно, что та его просто обожает, а может, даже и любит.

Альва тоже старалась проявлять чувства. Вероятно, она старалась недостаточно.

«Я должна полюбить его».

Со временем, возможно, у нее это получится.

Только вот красивее она точно не станет. И моложе.

Мозоли на ногах, которые Альва натерла по дороге к миссис Бьюкенен, полопались, и теперь обжигающая боль пронизывала левую пятку и мизинец, большой палец на правой ноге и наружную часть стопы...

Уильям развлекал Терезу Фэйр на яхте Гордона Беннета. Для чего ему это?

Если придется, она переживет разрыв с ним, хотя, безусловно, сделается изгоем – ни один джентльмен не пожелает иметь дело с объедками с чужого стола.

И все же это не будет концом света. Ей придется забыть об изначальном плане и научиться довольствоваться малым.

Забыть о бутербродах с маслом и малиновым джемом.

Забыть о жизни состоятельной привилегированной леди,

о фаршированных голубях,

об оплаченных счетах,

о перинах из гусиного пуха,

о полном желудке,

о теплом доме.

Забыть о защите, которую дает женщине удачное замужество.

Забыть о поддержке для Армиды, Дженни и Джулии. И для папы. И Лулу, и Мэри.

А они ведь так на нее рассчитывают, их достаток, благополучие и безопасность зависят от ее свадьбы с Уильямом. Или кем-то вроде него.

«Я должна постараться».

Альва остановилась, чтобы пропустить повозку с рыбой. Ее одолевала усталость, она умирала от голода, а проблемы росли как снежный ком.

«Деньги ей не помогут!» – сказала та девушка в трущобах.

«Но они могут помочь, – думала Альва. – Могут. Мне они должны помочь. Обязательно. Так и будет».

Альва заставила себя сосредоточиться на фактах. Мисс Рузвельт могла быть не права. Даже если она и сказала правду, Альва все еще способна переманить удачу на свою сторону. Ей всего лишь нужно попросить кое-кого о помощи, и, к сожалению, это мужчина. Однако сейчас не время думать о гордости. Пока не время.

– Мистер Уорд Макаллистер скоро вернется, – сообщила Альве служанка. – Если желаете, можете подождать его в вестибюле.

Стоять Альва больше не могла, а потому с готовностью опустилась на скамейку со словами:

– Спасибо, я так и сделаю.

Городская резиденция Макаллистера располагалась в изысканном особняке на Шестнадцатой улице вблизи Пятой авеню. Проживал он там со своей женой Сарой, неприметной дамой, чьей главной отличительной чертой были деньги, полученные ею в наследство от отца, пароходного магната. Мистер Макаллистер имел обыкновение совершать неторопливые прогулки по Пятой авеню, где мог посмотреть на соседей и, конечно же, показать себя. И хотя самые успешные жители Нью-Йорка (включая Кэролайн Астор, а также печально известную мадам Рестелл, промышленную абортную) жили в той части Пятой авеню, где номера улиц гораздо выше, множество уважаемых людей, в том числе Макаллистер, продолжали обитать в старых кварталах.

Что носят в этом сезоне джентльмены? Рыжие перчатки или серые? Возможно, цилиндры стали немного ниже по сравнению с прошлым годом? Из войлока они или из бобрового фетра? У кого нынче заказывать фрак – у братьев Брукс или у Ветцеля? Какие запонки выбрать – с эмалью или чистого золота? Мистера Макаллистера занимали и такие вопросы – он стремился не отставать от моды. Однако главной областью его экспертизы была вовсе не одежда, а человеческие взаимоотношения, именно поэтому к нему так часто обращались леди всех возрастов и титулов.

Мистер Макаллистер знал практически все о главных представителях манхэттенского общества. Это являлось делом его жизни. Какое-то время он был юристом, однако служить на поприще закона оказалось не так увлекательно, как заниматься жизнью друзей. Например – за кого выйдет мисс Кэрри Астор, когда придет ее пора? И хотя ей не исполнилось и шестнадцати и она даже официально не была представлена в свете, некоторые молодые (и не особенно молодые) люди уже добивались ее внимания на пикниках, званых вечерах и балах. Ее мать Кэролайн, близкий друг Макаллистера, беспокоилась, что младшая мисс Астор влюбится в одного из таких Лотарио²² и пойдет против родительской воли, как ее сестра Эмили, в прошлом году выскочившая за этого несуразного вдовца Джеймса ван Алена. Последует ли Кэрри по ее стопам? Если такое случится, на ком именно она остановит свой выбор? Мистер Макаллистер уверял, что подобные вопросы могут занимать его днями напролет. И это была истинная правда.

По слухам, мистер Макаллистер должен был унаследовать миллионное состояние, однако его планы расстроились, когда тетушка, чье влияние и поддержка когда-то способствовали его вхождению в высшие круги нью-йоркского общества, разделила все свои средства между Историческим обществом штата Джорджия и пресвитерианской церковью. Макаллистеру не оставалось ничего, кроме как присоединиться к юридической фирме своих отца и брата в Калифорнии. Он любил рассказывать, что в ту пору они втроем неплохо зарабатывали, составляя

---

²² Лотарио – персонаж оперы Амбруаза Тома «Миньон». Старый бродячий арфист, питающий особую нежность к Миньон – юной девушке, похищенной цыганами.

иски и улаживая споры, пока золото вокруг лилось рекой. Однако лихорадка не могла длиться вечно, и, как бы он ни старался, ему не хватало жесткости Командора Вандербильта или воротил с Уолл-стрит мистера Дрю и мистера Гульда, или шотландца мистера Карнеги – людей, которые преодолевали любое препятствие на своем пути подобно быкам – наклонив голову и выставив рога. Так что ему оставалось только найти богатую невесту, что он наконец и сделал. Наследство, которое Сара получила от отца, позволило Уорду Макаллистеру отойти от дел и заняться тем, что у него выходило лучше всего.

Альва слышала, как к дому подъехал экипаж. Через несколько мгновений щелкнул замок входной двери.

– Мисс Смит, какой сюрприз! – воскликнул мистер Макаллистер, входя в дом. – Чем обязан?

Альва встала и протянула руку.

– Как хорошо, что вы приехали.

– И правда, неплохо, – произнес он, загадочно улыбаясь.

Элегантными движениями он снял шляпу, перчатки, пальто, кашне и передал служанке.

– Проходите, прошу вас. Вещи можете оставить миссис Шаффер.

За все годы их знакомства мистер Макаллистер почти не изменился. Возможно, немного пополнел и полысел, но усы и эспаньолка оставались такими же холеными, разве что слегка поседели. Он был среднего роста, но казался ниже, и, несмотря на внимание, которое он уделял своему внешнему виду, и стремление к утонченности, чем-то напоминал миниатюрного петушка.

Альва вручила экономке пальто и – в очередной раз за этот день – отколола шляпку со словами:

– Я надеялась застать вас дома – мне нужен профессиональный совет.

– А также горячий напиток! Чай или кофе? А может быть, вы желаете шоколаду? Мне привозят лучший какао – из самой Дании.

– Да, благодарю – тогда шоколаду.

Мистер Макаллистер провел Альву в кабинет:

– Позвольте поинтересоваться здоровьем вашего отца?

– Он следует предписаниям врача, – ответила она, садясь в кресло.

И поведала, как переживает за отца (сильно преуменьшив серьезность его состояния), и о том, что, когда она выйдет за Уильяма, отец и сестры наконец переедут в дом получше.

– Но это произойдет только в том случае, если свадьба состоится.

– В чем же дело? Этому что-то мешает?

– Точно я не знаю, но до меня дошел неприятный слух... Мистер Макаллистер, я могу просить у вас совета?

– Безусловно!

– Семья Вандербильт очень хорошая. Они тратят свое время и деньги на добрые дела. Помогают церкви. Водят дружбу со многими уважаемыми людьми – включая президента Гранта. И тем не менее ваша добрая знакомая – миссис Астор – ни разу не приняла у себя никого из этой семьи, даже мать моего жениха, женщину с безупречным вкусом и нравами, среди предков которой значится Исаак Рузвельт, чей вклад в жизнь Нью-Йорка, как вам должно быть известно, неоценим.

– Вот это речь!

– Прошу прощения. Исправить эту ситуацию – мой долг. – Альва понизила голос и добавила: – И от этого зависит моя собственная судьба.

– Вы тоже хотите занять место в высшем обществе...

– Нет. То есть, конечно, хочу. Но сейчас важно не это. От того, смогу ли я улучшить положение Вандербильтов в обществе, зависит моя собственная значимость – в качестве невесты, разумеется. Я делаю все, что в моих силах, но...

– Но, возможно, этого недостаточно, чтобы жених оставался тверд в своем выборе?

– Да, именно этого я боюсь.

– Думаете, он может расторгнуть помолвку?

Альва кивнула:

– Вандербильты заслуживают признания, они прекрасные люди и должны стать частью высшего общества. Вы ведь не будете это отрицать.

– Напротив, я совершенно с вами согласен. Я довольно близко общался с Командором и был закадычным другом его сына Корнелиуса Джереми – разумеется, до того, как бедняга пошел по кривой дорожке.

Альву тронуло это признание:

– Значит, вы поможете мне найти решение? Правда, сейчас я смогу отплатить вам лишь своей благодарностью...

– А кто требует большего? Я весьма рад этой возможности, и мне лестно, что вы обратились ко мне. И я именно тот, кто вам нужен, вы же знаете.

– Я в этом уверена. И хочу спросить ваше мнение об одном неотложном деле. Видите ли, я заказала свадебное платье у миссис Бьюкенен...

– Одна из моих славных знакомых!

– Действительно? Значит, если мы с вами сможем сохранить помолвку...

– Конечно, сможем, – уверил мистер Макаллистер. – Положитесь на меня.

– Мне надо внести задаток за платье, но у меня нет такой возможности. Платье должно получиться великолепным – истинный шедевр, безусловно, стоящий той тысячи долларов, которую за него просят. Но как мне уговорить миссис Бьюкенен отложить оплату, пока отец не получит деньги после свадьбы?

– Мисс Смит, кажется, я понимаю ваши намерения, однако, поверьте – сейчас вам ни к чему платье за тысячу долларов. Нет-нет-нет. Вам нужен скромный наряд – этакая литота. Чтобы получить признание миссис Астор и ее соратников, вы должны стать воплощением благородной простоты.

Служанка принесла поднос с кексами, печеньем и чайничком шоколада. Мистер Макаллистер продолжил:

– Я знаю, в какое сложное финансовое положение попал ваш отец. Подобное случается даже с лучшими из нас. Многие из моих знакомых южан оказались в схожих обстоятельствах. Ужасная вещь – война. Ужасная. Вы не виноваты в несчастьях, которые выпали на вашу долю! И хотя я, конечно, не желаю лишать миссис Бьюкенен возможности выполнить ваш заказ, но лучше попробовать совершенно оригинальным образом преобразить одно из платьев, которыми вы уже располагаете. Скажем, свадебное платье вашей матери – вы сможете его найти?

– Думаю, да. Но оно голубого цвета.

– Тем лучше! Уже тридцать лет все выходят замуж в белом – так предсказуемо и скучно! Миссис Бьюкенен для нашего предприятия не подойдет – она берет слишком дорого, и, если честно, слишком потакает вкусам своих клиентов-нуворишей, хотя, безусловно, никогда бы не подумала навязывать подобные вкусы миссис Астор. А поскольку люди из разных слоев общества не пересекаются, миссис Бьюкенен удастся получить свое от каждой. Такова жизнь.

– На самом деле, я...

– Отнесите платье матери мисс Донован – это юная, но невероятно талантливая портниха. Ее мастерская находится на Принс-стрит. Передайте ей мои слова – «благородная простота». Она поймет, что нужно сделать. Что же касается миссис Бьюкенен – скажите ей, что из сентиментальности вы решили быть на свадьбе в платье своей покойной матушки, вы ведь выходите

замуж первой из сестер. И тут же добавьте, что восхищаетесь ее работой и по возвращении из медового месяца закажете у нее (по совету своего дорогого друга мистера Макаллистера) весь зимний гардероб.

– Вы уверены, что так будет лучше? – усомнилась Альва.

– Вы ведь спросили моего совета?

– Да, конечно. Прошу прощения.

Мистер Макаллистер склонил голову и продолжил:

– В разговоре с обеими дамами обязательно упоминайте мое имя. В подобных случаях оно работает как волшебное заклинание. – Он взмахнул воображаемой палочкой. – Колдовство заключается в обыкновенной ловкости, однако зритель все равно ему верит.

Альве тоже хотелось поверить.

– Вы просто чудо. Я перед вами в долгу.

– Что же касается вашей ценности как невесты – у меня есть прекрасная идея. Если вы с вашим женихом не сочтете это слишком поспешным – все-таки он еще носит траур, – то я внесу вас в список своих гостей на февральском Балу Патриархов, где лично представлю вас миссис Астор.

– Вы в самом деле собираетесь это сделать?

– Совершенно верно.

– Но мне казалось, что ни я, ни мой жених не подходим...

– Милая, поверьте, я знаю, о чем говорю. Как вы изволили заметить – в подобных вопросах я настоящий эксперт.

– Да, разумеется, в этом я не сомневаюсь. Просто я и надеяться не могла получить от вас приглашение... Это именно то, что мне нужно. Уверена, родные моего жениха будут несказанно рады.

– Вот и превосходно. Сообщите ему эту новость поскорее – ему наверняка захочется обновить свой наряд для приемов. Вам же вновь рекомендую остановить выбор на скромном платье. – Мистер Макаллистер на секунду задумался. – И еще – миссис Астор любит, когда леди носят розовое. Опять-таки можете смело обращаться к мисс Донован. И не забудьте сказать, что действуете по моей рекомендации, а также, что желаете отложить оплату до апреля.

– Мистер Макаллистер, вы не представляете, как я вам благодарна. – Альва старалась не выглядеть чересчур эмоциональной.

Ведь в конечном счете, приблизившись к Вандербильтам, Макаллистер выиграет не меньше. Обычное деловое соглашение. Джентльмены заключают такие соглашения постоянно, и слезы при этом у них не закипают. Альва живо представила, как по тротуарам Уолл-стрит идут джентльмены, то и дело возводящие очи небесам и прижимающие к глазам носовые платки.

Мистер Макаллистер ответил:

– Помогать друзьям – мое любимое занятие. Угощайтесь, пожалуйста. – Он подал Альве блюдо с печеньями. – Возможно, теперь, когда волноваться больше не о чем, к вам вернется аппетит. Вы непозволительно исхудали.

Альва взяла печенье.

– Мой аппетит никуда не пропадал. Есть мне хочется постоянно, а похудела я только потому, что мы весьма стеснены в средствах. У нас нет денег, и я... – Ее голос дрогнул. Она попыталась взять себя в руки, но ничего не вышло – слезы бессильной злобы потекли по щекам: – Сегодня просто ужасный день. Меня ограбили.

– Ограбили? Это неслыханно! – Мистер Макаллистер предложил Альве платок. – Вы не пострадали?

– Пострадала только моя гордость. Хотя, конечно, родные страдают от потери. Не нужно было выходить в город одной.

– Не корите себя. Я ведь вижу, у вас были благие намерения. Я попрошу своего бакалейщика прислать вам продуктов, потом закажете еще – за мой счет. И даже не вздумайте отказываться. Считайте это свадебным подарком. Вот, возьмите на извозчика, – сказал он, достав кошелек и отсчитав два доллара.

Собравшись с силами, Альва ответила:

– Вы просто подарок небес. Я вам все верну, при первой же возможности.

– Даже не думайте! – всплеснул он руками. – Я помогаю вам как друг. И не забывайте – одного вашего присутствия на балу недостаточно. Войну нельзя выиграть, победив в одной битве – для этого нужна стратегия. Поэтому считайте, что на Бал Патриархов мы готовим не штурм, а всего лишь первоначально наступление.

– Понимаю.

– Отлично. Можете обращаться ко мне по любому поводу. Вам наверняка пригодится совет, как вести домашнее хозяйство. Кстати, вы уже выбрали дом? Могу порекомендовать отличного агента по недвижимости.

– Отец моего жениха нашел нам дом на Сорок четвертой улице, рядом с Пятой авеню.

– Дальше Сороковой! Очень хорошо. Прекрасный выбор для молодых людей, которых не заботит преодоление больших расстояний. Это определенно входит в моду. Буду рекомендовать своим друзьям. Ну а теперь вам пора, – сказал мистер Макаллистер, поднимаясь. Альва тоже встала. – Ваш жених будет рад услышать приятные новости – возможно, настолько рад, что захочет жениться поскорее.

– Вы такой оптимист.

– Поверьте, мир прекрасен, совершенно прекрасен, если правильно на него смотреть.

Купив у булочника два «кошачьих язычка» в шоколаде, Альва взяла экипаж и по дороге к особняку Вандербильтов откинулась на спинку сиденья со вздохом облегчения – натертые ноги отдыхали, в животе больше не урчало, и сама жизнь как будто налаживалась.

Альве не терпелось рассказать о своих достижениях Консуэло. Хотя, возможно, будет лучше, если все посчитают, что она получила приглашение на Бал Патриархов только благодаря расположению мистера Макаллистера. Альва полностью доверяла подруге, однако событие окажет больший эффект, если никто не узнает (даже случайно) об усилиях, которые Альве пришлось для этого приложить.

Взмахни палочкой и произнеси заклинание.

Экипаж остановился у дома номер 459 на Пятой авеню. Альва поднялась к двери и позвонила:

– Доложите мистеру Вандербильту – Уильяму, – что его хочет видеть Альва Смит.

По дороге в гостиную Альва старалась скрыть от дворецкого свою хромающую походку. Дворецкий указал на софу.

– Пожалуйста, подождите здесь.

Как только он отвернулся, Альва с облегчением опустилась на софу.

– Какой сюрприз! – воскликнул Уильям, присоединившись к ней.

Впрочем, как заметила Альва, приятным он этот сюрприз не назвал.

Ничем не выдав своего смущения, она произнесла:

– У меня есть новости, которые я посчитала необходимым сообщить вам лично.

– Надеюсь, новости хорошие?

Альва кивнула.

– Сегодня днем я случайно встретила мистера Макаллистера. Он хочет пригласить нас на Бал Патриархов.

– Он вам так и сказал?

– Да. Узнав, что мы женимся, он решил таким образом представить нас обществу. Мистер Макаллистер дружен с моей семьей с тех пор, как я была маленькой девочкой, – импровизировала Альва на ходу. – И очень рад возможности оказать мне услугу. То есть нам обоим. – Она заставила себя улыбнуться той улыбкой, какой улыбалась в тот вечер, когда он сделал ей предложение. Улыбкой, содержащей в себе все, что Тереза Фэйр не могла и никогда не сможет предложить.

– Это же отличная новость! – Теперь Уильям тоже улыбался. – А как обрадуются мои сестры! Вы знали об этой возможности?

– Может быть, – кокетливо ответила Альва.

– Останетесь на чай? Мамы и Лилы дома нет, зато Флоренс захочет узнать все подробности, и слушать меня ей будет совершенно неинтересно. – Он вызвал звонком служанку. – На кухне есть отличный салат из лобстера, повар подает его на тостах с маслом. Мама говорит, вам нужно побольше есть.

– Не хочу расстраивать вашу маму. Буду рада остаться.

Ночью, в постели, после неудачных попыток заснуть, Альва зажгла лампу и повернулась к Армиде:

– Проснись. Мне нужно кое в чем признаться.

Не открывая глаз, Армида проворчала из-под одеял:

– Альва, спи.

– Я решила на это только из-за трудностей. Я хотела все исправить.

– О чем ты говоришь?

– Я потеряла украшения.

Армида открыла глаза и села в кровати.

– То есть...

– Да, сундучок с сокровищами. Только не начинай меня отчитывать, мне и без того тошно, а сделать уже ничего нельзя. Я собиралась сдать их в ломбард, по дороге случилась авария, там было много людей, и кто-то украл у меня шкатулку. Не вздумай рассказывать об этом девочкам. Потом, когда у меня будут деньги, я все верну.

– Но это будет не то! Это ведь были наши семейные реликвии...

– Значит, куплю что-нибудь еще красивее и с хорошей историей.

– Но это будет чужая история!

– Это все, что я могу сделать. Мне ужасно жаль.

Армида тяжело вздохнула:

– Я знаю.

Альва задула лампу, и они какое-то время лежали молча, хотя она чувствовала, что сестра тоже не спит.

– Как бы мне хотелось, чтобы он мне нравился больше.

– Кто?

– Уильям. Он хорош собой, очень мил, но... в общем, он не особенно интересный. Я всегда думала, что мой муж будет образованным, тонким и остроумным, что его будет интересовать не только спорт.

Армида повернулась лицом к Альве:

– Ты не обязана выходить за него. Мы сможем заработать себе на жизнь самостоятельно, даже если и придется жить поскромнее. Уговорим папу перебраться за город, заведем огород и...

– Что? Ни в коем случае! – Альва вспомнила все, что читала о пропавших урожаях, бродягах-мародерах и постелях, кишящих блохами. – Мне кажется, со временем он начнет мне нравиться. У него отличные зубы.

За два дня непрерывного снегопада дороги покрыл целый фут снега, и повозкам на смену пришли сани. Вечером перед самым Балом Патриархов снег прекратился, из-за облаков показалось усыпанное звездами небо. Альве нравились улицы Манхэттена, дышащие свежестью и белизной. Снег делал город по-настоящему праздничным. Отовсюду раздавалась перекличка бубенцов на упряжках. Извозчик Уильяма помог ей сесть в сани. Сам Уильям, укутанный в бобровую шубу, тоже забрался в сани и уселся рядом. Извозчик сел на козлы, взял в руки поводья, и сани тронулись.

Мистер Макаллистер посоветовал Альве приехать попозже – тогда у него будет возможность сразу представить их миссис Астор.

– Она должна увидеть вас прежде, чем о вас услышит. И помните – достаточно лишь добиться ее признания. Наша цель – небольшое вторжение на ее территорию.

Небольшое вторжение этим прекрасным снежным вечером, под руку с весьма привлекательным джентльменом. Джентльменом, который, судя по всему, до сих пор хотел взять ее в жены, который не собирался жениться на рыжеволосой наследнице серебряных рудников и, возможно, никогда этого не хотел, не катался на яхте Гордона Беннета и не сомневался, что Альва ему подходит. Так это или нет, мисс Лидия Рузвельт, сама того не ведая, оказала им большую услугу, внушив Альве сомнения на сей счет.

– Волнуетесь?

Альва кивнула:

– А еще я очень рада. Это ведь огромный вклад в наше будущее.

– Да! Вы бы видели, как суетилась Лила, – поправляла галстук, подбирала запонки...

– Она хочет, чтобы все прошло идеально, ведь от нашего успеха зависит и ее будущее. И будущее Флоренс и моих сестер. Я уверена, им когда-нибудь удастся составить прекрасную партию.

– И они должны благодарить за это вас, моя дорогая. Мне не терпится увидеть наши имена в завтрашней газете. Не удивлюсь, если отец повесит ее в рамке на стену.

Впервые мистер Макаллистер дал Бал Патриархов несколько лет назад. Он и группа нью-йоркских джентльменов составили список из двадцати пяти человек (включая их самих), чьи семьи входили в манхэттенское общество задолго до Британского вторжения 1776 года²³ и доходы которых в настоящий момент достигали не менее миллиона долларов. Способы получения дохода джентльменами не обсуждались. Группа получила название «Общество Патриархов». Каждый член общества мог пригласить на бал, проводившийся в конце зимы, двенадцать гостей – из числа тех, чьи семьи жили в Нью-Йорке по меньшей мере в течение двух, а еще лучше – трех поколений.

Перед балом печатали пригласительные билеты, на которых патриарх (а чаще его жена или секретарь) собственноручно писал имя приглашенного. Назначалась тема бала. Гостям предписывалось прийти в парадном платье. Без пригласительного билета попасть на бал было невозможно, поэтому, как и надеялся мистер Макаллистер, они стали самой желанной добычей светской элиты. Запретный плод всегда сладок.

Последним штрихом стало предложение Кэролайн Астор стать лицом Общества, его формальным руководителем и символом превосходства. Лучший выбор и представить сложно – ее предки жили здесь во времена, когда индейцев на острове Манхэттен было больше, чем белых людей. Помимо того, Кэролайн считалась любимицей Макаллистера – с глазу на глаз он называл ее «моя мистическая роза». По крайней мере, так говорили.

---

²³ Кампания британской армии и флота против Континентальной армии в ходе американской Войны за независимость 1775–1783 гг.

С ростом числа богачей – новоявленных миллионеров, разжившихся на золотой и серебряной лихорадках, на биржевых спекуляциях, продаже земель или войне – Нью-Йорк захлестнула волна неотесанных, а частенько и вовсе неумытых крикливых нуворишей, которые считали, что непременно должны стать частью высшего общества. Большинство этих людей не знали разницы между суповой ложкой и десертной, совершенно не умели говорить по телефону, у них отсутствовало малейшее понятие о приличиях. В светской хронике нередко появлялись сообщения о том, что кто-то из них приходил в Академию музыки на громкие премьеры и требовал лучшие места. Получив отказ, они пытались выкупить ложи у их владельцев.

Альва понимала, что мистер Макаллистер считает сложившееся положение вещей не только увлекательным, но и выгодным для себя, ведь таким образом внутри общества создавалась определенная иерархия, а он помогал отчаявшимся матерям улучшить положение своих дочерей в свете – этот процесс сопровождался тратой тысяч долларов, от чего сам он немало выигрывал.

Мистер Астор, по обыкновению, бал пропускал. Каждую зиму он отправлялся на своей яхте во Флориду, к приветливым берегам Джексонвилла, и оставался там до самой Пасхи, когда приличия требовали его появления в церкви рядом с женой. Поэтому на всех балах Кэролайн Астор сопровождал мистер Макаллистер. Поприветствовав гостей, она, как правило, проводила остаток вечера, сидя на бархатном диванчике, стоящем на возвышении, окруженная избранным кругом приближенных. Оттуда она наблюдала за танцующими, роняя то хвалебные, то осуждающие реплики. Она выслушивала «новости» и высказывала свое мнение на их счет – леди, наносящие визиты знакомым, потом неделями разносили ее слова по домам лучших семейств.

Если Альве этим вечером удастся завоевать расположение миссис Астор (какой-то шанс на это все-таки имелся), она сможет расслабиться, пока данное расположение сохраняется. Возможно, на годы. А может быть, и навсегда. Ну, в самом деле, что помешает миссис Астор посчитать их с Уильямом достойными присоединиться к высшему свету?

Мистер Макаллистер не хотел, чтобы Альва питала слишком большие надежды, это понятно. Тем не менее во всем Нью-Йорке не найти более достойных претендентов, чем она и Уильям. А раз так, то миссис Астор, если она и в самом деле столь мудра и проницательна, как о ней говорят, должна с готовностью взять их под свое крыло.

К одиннадцати часам, когда прибыли Уильям и Альва, три сотни гостей наводнили балльный зал. По его периметру расставили стулья, а полы натерли до зеркального блеска. С узкой верхней галереи доносились звуки камерного оркестра. Гости хватало и в салоне – там можно было насладиться изысканным ужином а-ля фуршет от шеф-повара Ранхофера.

Альва заметила мистера Макаллистера – тот с кем-то беседовал. Как и остальные джентльмены, он облачился в накрахмаленную белую рубашку с воротничком и белым шелковым галстуком, черный фрак-визитку и черный цилиндр. Однако, в отличие от прочих, выбрал бледно-желтый жилет – довольно неожиданно для столь консервативного мероприятия. Альва подумала – он не отказался бы припудрить лоснящийся лоб, щеки, подбородок и нос, как это делали дамы и французы в старые времена. При французском дворе он чувствовал бы себя как дома – хотя и здесь, в эрзац-монархии Кэролайн Астор, мистер Макаллистер справлялся прекрасно.

Он устремился поприветствовать новоприбывших.

– Доброго вечера вам обоим! – Отступив на шаг, он внимательно рассмотрел наряд Альвы: – Сама простота и элегантность! Цвет немного темнее, чем я предлагал, но, вынужден признать, гранатовый вам к лицу. Изысканная отделка в тон – я ведь говорил, что мисс Donovan сделает все как надо. А это декольте – какая изящная линия!

Шлейф платья тоже был скромным, без воланов, и Альва просто перекинула его через руку.

– Мисс Смит, я вами горжусь – и вами тоже, сэр, – добавил мистер Макаллистер, обращаясь к Уильяму. – Вы производите прекрасное впечатление, мой юный друг. Просто прекрасное.

– Благодарю вас. За приглашение в том числе, – поклонился Уильям.

– Не стоит благодарности! Я подумал, что джентльмен, которому удалось завоевать самую прекрасную юную леди в Нью-Йорке, меня не разочарует – так и есть!

Альве хотелось его расцеловать.

– Вы сегодня тоже настоящий франт, – сказала она.

– Я заказал костюм у Мэтью Рока, выложил за него пятьдесят долларов – совершенно издевательская цена. В Лондоне с меня взяли бы вполтину меньше – хотя, конечно, мне для этого пришлось бы отправиться в Лондон, а у меня пока что совершенно нет времени на путешествия! Помимо подготовки приема у Марты Вашингтон, балов Старой гвардии и Французского общества, я полностью посвятил себя сегодняшнему вечеру. Как-никак, это главное событие зимнего сезона, я не мог доверить его посторонним людям. Но что же это я! Идемте, я представлю вас миссис Астор. У меня хорошее предчувствие: вино сегодня течет рекой – итальянский Пьемонт тысяча девятьсот пятьдесят второго года, если не ошибаюсь. Отличный был год для неббиоло, если верить господину Ранхоферу.

Мистер Макаллистер провел молодых людей к возвышению в центре зала, где располагалась Кэролайн Астор в компании госпожи Купер и госпожи Дрессер. Румянец, игравший на щеках госпожи Астор, и ее слегка рассеянная улыбка свидетельствовали о том, что вино ей пришлось по вкусу.

– Позвольте представить вам мисс Альву Смит и мистера Уильяма Киссэма Вандербильта, свадьба которых состоится этой весной.

Уильям поклонился, Альва протянула руку – а Кэролайн Астор, не удостоив их даже взглядом, обратилась к мисс Купер с вопросом:

– Дорогая, как вам понравился кофе в Калькутте? Одни его превозносят, другим же он кажется отвратительным. Что вы думаете на этот счет?

Альва почувствовала, как лицо ее становится пурпурным в тон платья. Она, разумеется, не рассчитывала на радужные объятия, но подобное обращение... Просто возмутительно! Так оскорбить ее, так унижить, и притом совершенно незаслуженно! Ее, Альву Смит, юную леди с безукоризненной репутацией, такую изящную, так прекрасно воспитанную, официально приглашенную на этот бал. И ее жених не уступал ей ни в чем. Альва уже собралась высказать вслух все, что думает, однако господин Макаллистер ловко подхватил ее под руку и увел в сторону, взглядом приказав Уильяму следовать за ними. На ухо Альве он произнес:

– Она нарочно ведет себя бестактно, не позволяйте ей себя спровоцировать. Я вас предупреждал, это будет вторжением на ее территорию. Оставайтесь выше этого, мисс Смит, пусть все убедятся в вашем благородстве. У вас есть прекрасная возможность продемонстрировать тончайшие манеры.

Альва взяла себя в руки, приосанилась, улыбнулась жениху и произнесла громко и отчетливо, так, чтобы слышали все окружающие:

– Как жаль, что госпоже Астор начали изменять зрение и слух.

Господин Макаллистер не стал дожидаться реакции публики и потянул Альву к буфету, причитая на ходу:

– Святые небеса... Дитя мое, вы меня удивляете! Вынужден признать – те, кто умудряется заскучать в свете, просто невнимательны. Вот это драма – словно решаются судьбы империй!

Альве было нехорошо. Ее гордость снова оказалась сильнее. Она так надеялась на этот вечер, представляя, как они с Уильямом завоюют симпатию миссис Астор. Следовало внимательнее отнестись к словам мистера Макаллистера.

И все же на лице Уильяма она увидела неприкрытое восхищение. Стоящие вокруг смотрели на нее с таким же выражением.

– Только представьте, что будет с Командором и отцом, когда они об этом услышат! Позвольте, я принесу вам шампанского.

Глава 6

В середине апреля Альва отправилась на встречу с миссис Вандербильт на Сорок четвертую улицу – в дом, куда ей до сих пор не позволялось заходить. Ей было наказано готовиться к грядущей свадьбе, а заботы о доме оставить будущей свекрови.

Уильяма Альва тоже последний раз видела в конце зимы. Вместе с друзьями он отправился на яхте Гордона Беннета в Сент-Огастин. Иногда он присылал ей из портовых городов весточки на открытках по два пенни: «Чудесный день на море! Думаю о вас», «Куплю себе яхту и назову «Альва»!», «Мама писала, что готовит для вас сюрприз. До чего ей нравится возиться с дочерьми». И последняя открытка: «Возвращаюсь на следующей неделе. Вы скучали по мне? Скоро увидимся».

Альва аккуратно отправляла ответы на почту Сент-Огастина. Скорее всего, Уильям получал сразу несколько. «Попутного ветра!» или «У нас уже совсем весна – ветер теплый и на деревьях бутоны».

Банальности, но что еще она могла написать?

«Какой ваш любимый цвет?»

«Однажды я задержала дыхание так надолго, что мама дала мне затрещину, чтобы я начала дышать».

«Вы знаете, что делать в нашу брачную ночь? А вы знаете, как это делается?»

Потому что – нет, на самом деле Альва по нему не скучала. Она ждала его возвращения лишь потому, что измучилась в ожидании свадьбы (и первой брачной ночи) и тех перемен, которые за ней последуют.

После пяти лет непрерывных потрясений – им пришлось уехать из Парижа, заболела и умерла мать, теперь болел отец, их семья потеряла все свое состояние, потом Альва изо всех сил пыталась найти подходящего жениха – ей хотелось только покоя и защищенности.

– Добрый день! – Миссис Вандербильт махала рукой, стоя в дверях четырехэтажного особняка.

Здание из бурого песчаника выглядело тесноватым и простым, совершенно непримечательным, впрочем, относительно новым и достаточно приятным на вид (беднякам выбирать не приходится). Улица тоже была неплохая: один ее конец выходил на Пятую авеню, другой – на Шестую. Тротуар выложен кирпичом, мостовая ровная, почти без выбоин. На кленовых деревьях распускались первые листочки, лимонно-зеленые в лучах солнца.

– Здравствуйте! – Альва взбежала по ступеням. – Я остановилась полюбоваться домом. Какое чудное место!

– Вам нравится? Я надеюсь, вы с Уильямом будете довольны. Я хочу, чтобы все мои дети были довольны. Я, наверное, слишком многого прошу, не правда ли? Учитывая изменения, которые сейчас происходят чуть ли не каждый день. – Она поцеловала Альву. – Но не слушайте меня. Заходите!

В салоне, стоя плечом к плечу, их ожидали шестеро слуг. Когда миссис Вандербильт представляла их Альве, они кланялись и делали реверансы. Первыми были представлены дворецкий и экономка, которые прежде служили в других домах Вандербильтов. Затем повар, лакей и горничная. Последней была дочь Лулу – Мэри, которая нервно улыбалась. Стоя рядом с остальными, она выглядела темнее, чем обычно казалась Альве. Возможно, все дело было в горничной, ирландской девушке по имени Бриджет, – ее кожа розовела, как снег на заре.

– Очень рада с вами познакомиться. Кроме Мэри – с ней я знакома с рождения. Ее мать заправляет хозяйством в нашем доме – то есть в доме моего отца. А вот вы, полагаю, должны быть рады с ней познакомиться.

Эти шестеро людей обеспечат существование Альвы. Она будет в ответе за их благополучие, а они – за ее. Необходимо соблюдать гармонию. Залог гармонии – правильное применение власти и авторитета. Поэтому, несмотря на чувство неловкости и свой юный возраст, Альва продолжила:

– Надеюсь, вы будете относиться друг к другу с уважением и добротой, тогда всем обитателям дома будет здесь хорошо. Вы все очень важны для меня. То есть для нас – меня и мистера Вандербильта – и для всего дома.

Ее лицо пылало – она слишком долго говорила и потому сочла нужным добавить серьезным тоном:

– И самое главное: я не потерплю в доме... гиппопотамов. Обладателей гиппопотамов я буду казнить без суда и следствия.

Слава богу, они улыбнулись, и Альва со спокойной душой попросила миссис Вандербильт показать ей дом.

Пройдя прекрасно обставленные комнаты первого этажа, миссис Вандербильт направилась к лестнице.

– Мне не терпится показать вам вашу спальню. Мы с Лилой очень постарались.

Комната слева от лестничной площадки окнами выходила на улицу. Оттуда просматривалось раскинувшееся на пять акров Кротонское водохранилище. Ближе, на углу Сорок второй улицы и Пятой авеню, темнели руины Приюта для цветных детей-сирот, который сожгли протестующие против призыва 1863 года²⁴. Альву всегда поражало жестокое отношение бунтовщиков к детям. К детям! На них напали только из-за того, что цвет кожи у них был такой же, как у тех, кого белые сделали рабами. Потом президент запретил брать их в рабство. Южанам-рабовладельцам не понравилось, что им указывают, и они развязали войну, в которую оказались втянуты небогатые северяне. Разъяренные белые люди, которые вымещали свой гнев на беззащитных негритянских детях. Люди, которые считали себя христианами. Альва не винила их за нежелание участвовать в войне, однако то, каким образом они выражали свой протест, было непростительно. Впрочем, ей даже понравилось, что вид из окна станет напоминать ей о том, на что способны разозлившиеся люди, дабы она не принимала за должное свое положение в обществе и ту защиту, которую оно давало.

Окна спальни были задрапированы занавесками из чинца²⁵ в бело-розовую полоску. Им же были отделаны нижняя часть стен, туалетный столик, кровать и балдахин. Выглядело чудовищно.

– Как мило! – проговорила Альва.

Миссис Вандербильт с облегчением улыбнулась.

– Как же я рада, что вам понравилось. Надеюсь, вам здесь будет хорошо.

– Конечно! Вы столько сделали ради меня, я этого совершенно не заслужила. Мне не хватает слов, чтобы выразить вам свою признательность.

Это, по крайней мере, было правдой.

Одетая в ловко перешитое свадебное платье матери, Альва зашла в комнату отца попрощаться.

Он сел и посмотрел на нее.

– Фиби...

– Нет, папа, я Альва. Ваша дочь.

Отец в недоумении заморгал, потом прищурился.

---

²⁴ Гражданские беспорядки в Нью-Йорке 11–16 июля 1863 года. Их причиной стали изданные Конгрессом законы, предполагавшие призыв на военную службу на Гражданскую войну. Призыва можно было избежать, заплатив 300 долларов.

²⁵ Чинц – лошенная декоративная хлопчатобумажная ткань с набивным рисунком.

– Я... – Он потер лицо, снова моргнул и облокотился на подушки, не отрывая от нее взгляда. Через несколько мгновений узнал: – Да, точно, Альва. – Он замолчал. – У тебя сегодня свадьба?

– Свадьба. – Она сжала его руку. – Через минуту я отправляюсь в церковь.

– Простишь мне, что я все пропускаю?

– Папа, ну что вы такое говорите! Я ведь знаю – вы непременно поехали бы, если бы могли.

– Жаль, что твоя мать сейчас не с нами. Ты так на нее похожа в этом платье.

Мисс Донован сделала юбку менее пышной, избавившись от двух рядов оборок и изящно задрапировав турнюр, добавила белый шлейф из тончайшего, почти прозрачного шелка. Он же пошел на рукава-крылышки и отделку по линии декольте. Ни бантика, ни ленточки, ни кружева – безукоризненно простое платье, как того и требовало событие. Надев его, Альва почувствовала себя настоящей невестой из сказки.

– Похожа, я знаю, – прошептала она и поцеловала отца.

В вестибюле ее ждали Армида и Лулу, которая протянула Альве букет со словами:

– Золотарника здесь нет.

Альва улыбнулась:

– Лулу, как же я буду скучать по твоему командирскому тону.

– Теперь вы будете командовать собой самостоятельно. Помню, как вы забрались на фонтан в Тюильри, вам было лет десять, раскинули руки в стороны и заявили: «Я буду императрицей!» А потом повернулись и упали спиной прямо в воду. Другая девочка расплакалась бы, но только не вы – вы тут же встали в промокшем платье, с прилипшими к лицу волосами, и произнесли: «Лулу, *une serviette, s'il vous plaît*»²⁶.

Альва рассмеялась:

– Я этого не помню, ты выдумываешь!

– Все так и было! Идите же, извозчик Вандербильтов не будет ждать весь день.

– Конечно, – кивнула Альва. Она глубоко вдохнула и выдохнула. – До встречи! Мы с Мэри будем присылать вам открытки из Саратога-Спрингс!

Прибыв в церковь, сестры встретили в притворе Консуэло и ее отца, который любезно согласился провести мисс Смит к алтарю. Он взял Альву под руку, Армида же присоединилась к Дженни, Джулии и другим подружкам невесты, ждавшим в церкви.

– Да ты вся сияешь! – заметила Консуэло. – Неужели и правда влюбилась?

Альва оставила вопрос без ответа. Ее сияние было обманчивым – она не чувствовала того волнующего тепла, которое наполняло Элизабет Беннет при мысли о мистере Дарси, и не считала, что ее с Уильямом союз превратится в идиллическое единение родственных душ. Скорее наоборот – Альва начинала сомневаться в необходимости брака с кем бы то ни было. В церкви ее ждал привлекательный, но совершенно неинтересный джентльмен, которому через несколько минут, согласно Закону Божьему и законам этой страны, она будет принадлежать. Он сможет делать с ней все, что посчитает нужным. В «Джейн Эйр» мистер Рочестер, узнав, что жена сошла с ума, запер ее на чердаке, а сам стал искать внимания других женщин. Если через несколько часов, когда наступит ночь и они останутся наедине, Уильям захочет заняться непотребством (что бы это ни значило), что она с этим поделает? Ничего. Если ему что-то не понравится, вдруг он запрет ее или прогонит? И даже ударит?

«Нет, он ни за что меня не ударит. Уильям Киссэм Вандербильт – хороший человек».

Она должна полюбить его. Будь сейчас на месте Альвы Тереза Фэйр, у нее голова бы кружилась от счастья. Что ж, может быть, и у Альвы закружится, только немного позже. Она

---

²⁶ Салфетку, пожалуйста (*фр.*).

ведь старше Терезы Фэйр, многое повидала, ее не так легко вывести из равновесия, как молоденькую девушку. Просто нужно время, чтобы получше узнать друг друга, вот и все.

Раздались звуки органа. Двери отворились, Консуэло произнесла: «Начинаем!» – и выступила в проход между рядами.

Представители высшего общества заполнили все скамьи. По случаю свадьбы они облачились в лучшие весенние наряды. Банты и бутоньерки из белых лент виднелись на каждом ряду. Подружки невесты были хороши, как ангелочки, друзья жениха – безупречно элегантны. Сам Уильям светился от радости. После мессы они будут принимать поздравления от десятков гостей в доме ее новоиспеченных родственников. Упряжка из шести лошадей повезет из церкви украшенный лентами экипаж сначала домой, а потом на Центральный вокзал, где они с Уильямом сядут в личный вагон Вандербильтов и отправятся в Саратога-Спрингс.

Мистер Изнага взял Альву под руку:

– Прошу?

Быть может, причина ее учащенного пульса и сбивчивого дыхания не только нетерпение, но и любовь? Просто она еще не научилась ее распознавать. Интересно, что сейчас чувствует Уильям? Что, если, пройдя в двери, а затем к алтарю, она обнаружит, что пока она сама завоевывала внимание его семьи, пыталась пережить отсрочку брака и планировала свадьбу – Уильям влюбился в нее без оглядки? Но узнает она об этом не сейчас, когда они будут давать клятвы перед Богом, а в конце дня, в отеле в Саратога-Спрингс.

Когда Альва и Уильям остались одни, предоставленные только самим себе, оба не знали, что делать.

Они подъехали к отелю «Гранд Юнион» и вошли внутрь. Уильям расписался в журнале, и их проводили в номер. Они сняли шляпы. Альва стянула перчатки и сжала их в руках. Гончие Уильяма улеглись у его ног. Мэри и Максвелл – камердинер Уильяма – молча стояли неподалеку.

– Думаю, сейчас самое подходящее время, – сказал Уильям, глядя на Альву.

Она ждала продолжения. Он тоже чего-то ждал.

– Для чего?

Уильям повернулся к Максвеллу:

– Шкатулка.

– Ах, да.

Максвелл выбежал из гостиной в спальню, предназначавшуюся для Уильяма, и тут же вернулся с плоским деревянным ящичком.

Уильям взял шкатулку и протянул Альве со словами:

– Небольшой подарок в честь праздника. Надеюсь, вы не разочаруетесь.

Держа шкатулку одной рукой, Альва открыла крышку. Внутри, на подкладке из темно-синего бархата лежала свернутая нить сверкающего жемчуга.

– О господи...

– Вам понравится история ожерелья: его первой владелицей была Екатерина Великая. Позже оно принадлежало императрице Евгении, но, думаю, ей пришлось пожертвовать им в силу жизненных обстоятельств.

– Императрице... Полагаю, я даже видела ожерелье на ней! Как же вам удалось...

– Это все Командор. Я хотел выбрать украшение с драгоценными камнями, но он вспомнил, что вы провели детство во Франции, и заставил меня найти что-нибудь подходящее. Мой дед все замечает и принимает во внимание. Я лишь последовал его совету. Хотя, конечно, пришлось попотеть, чтобы найти для вас идеальный подарок.

Альва взяла одну жемчужину двумя пальцами. Каждая из этих драгоценных бусин когда-то касалась кожи двух женщин, которыми Альва восхищалась больше всего на свете.

Она подняла на мужа (своего мужа!) взгляд, полный радости и уважения.

– У меня нет слов.

– Но вы довольны?

Альва кивнула:

– Огромное вам спасибо. В самом деле... Я не знаю...

– Мне приятно, что оно вам понравилось. Вы можете надеть его завтра вечером.

– Да, обязательно.

Уильям потер бакенбарды большим пальцем.

– Что же, предполагаю, вы хотите отдохнуть.

– Да, это был очень долгий день, – согласилась Альва.

Мэри отвела ее в спальню, чтобы помочь раздеться. Уильям с собаками в сопровождении камердинера удалился в свою комнату.

Спальня во французском стиле оказалась настоящей мечтой. В изразцовом камине потрескивал огонь. Белые стены между панелями из полированного ореха были расписаны колокольчиками. В центре, на ковре из голубого плюша, стояла кровать с балдахином. На белом сатине полога играли отблески огня. Вот бы запереться сейчас в комнате, надеть жемчуга, лечь на кровать, закрыть глаза и не думать о том, придется ли ей сегодня открыть свое тело взгляду Уильяма, будет ли он от нее чего-то ждать, понравится ли ей то, что она почувствует, и плохо ли, если понравится...

– День и правда был долгим. Давайте я вам помогу, – прозвучал голос Мэри.

– Да-да, конечно. – Альва развела руки в стороны, давая Мэри добраться до пуговиц. Чтобы отвлечься от своих мыслей, она спросила: – Чем ты занималась в дороге?

– Мне понравилось смотреть в окно. Я впервые ехала в таком быстром поезде – ведь по Шестой авеню электрички ползут медленнее пешеходов. А эти новые поезда просто удивительные! Я не понимаю, как локомотиву удастся тащить такие тяжелые вагоны. – Мэри сняла с Альвы корсаж. – Еще я немножко почитала. Чтение – это магия, правда? Мама говорит, что только благодаря эмансипации мы теперь можем учиться читать и писать, не скрываясь.

– Когда я была девочкой, я совсем не думала о вас как о рабах. Родители всегда говорили «слуги». – Юбка упала, и Альва вышла из нее. – Как люди могут быть собственностью? Да, мои родители росли в совершенно другом времени и месте, только я этого не понимаю. Ты чувствовала тогда, что кому-то принадлежишь?

Мэри покачала головой:

– Я была совсем маленькой.

– Что ты сейчас читаешь?

– Историю одной юной кастильской леди, которая должна была выйти замуж за своего кузена, но он вернулся домой и признался ей, что женился на другой. Называется «Ужасная тайна».

– Действительно, ужасная.

Держа пеньюар в руке, Мэри задумчиво произнесла:

– Но она такая доставучая, что я его не виню.

– А та, на которой он женился?

– Кроткая и покладистая, как ягненок.

– Что тут скажешь, – вздохнула Альва, пока Мэри надевала на нее сорочку, – автор прекрасно понимает мужчин.

Оставшись в одном пеньюаре, Альва по-новому оценила тепло комнаты. Она присела за туалетный столик. Мэри подала ей флакончик духов. Альва открыла бутылочку, коснулась пробкой запястий, провела за ушами. Сколько раз она видела, как это делает мама? Какими необыкновенными казались маленькой девочке приготовления женщины из высшего общества к выходу. Мама всегда выполняла все действия ритуала, как усердный прихожанин на мессе.

– Что сделать с волосами? – поинтересовалась Мэри – волосы у Альвы до сих пор были убраны в высокую прическу.

– Я... я не знаю. Заплети в косу, как обычно, или...

– В романе, о котором я говорила, у брошенной героини волосы «цвета воронова крыла», и они падают ей на плечи. И он, то есть кузен, не может глаз от нее отвести.

Пока Альва думала, что ответить, Мэри спросила:

– Может, примерите свои жемчуга?

– Ладно, – улыбнулась Альва. На это она согласилась без колебаний. – Но только на минутку. – Она достала ожерелье из коробки и ахнула: – Господи!

Нить оказалась длиной в несколько футов и была тяжелее, чем Альва себе представляла. Собрав жемчуг в ладони, она жестом попросила Мэри помочь.

– Подумать только... – выдохнула Альва, когда они выложили нить в четыре ряда на ее груди. Она прижала ладонь к жемчужинам. – Я совершенно их недостойна, но, Мэри... владеть ими... – Она покачала головой. – Екатерина была величайшей русской императрицей – прогрессивная, интеллигентная... Наверное, императрице Евгении они были очень дороги.

– А теперь они будут дороги вам.

– Уверена, ей не хватает их... как и всего, чем она раньше владела. – Альва посмотрела на Мэри. – Но я не жалею, что они достались мне. Мэри, только представь: Екатерина Великая носила их сто лет назад! – Она покачала головой в изумлении. – Все. Давай уберем их, не то я расплачусь.

Когда жемчуга вернулись в свою синюю бархатную колыбель, Мэри спросила:

– Распустите волосы?

– Подумаю об этом. Можешь идти к себе, увидимся завтра.

– Мама велела напомнить вам воспользоваться ночным горшком перед тем, как идти в постель, и еще раз сразу после. – Заметив озадаченный взгляд Альвы, Мэри добавила: – Когда он закончит.

– Ах... Да, конечно. Совсем об этом забыла. Столько всего произошло.

Альва не могла признаться Мэри, что несведуща в подобных делах. Служанка остановилась у двери.

– Знаете, я никогда не видела такой прекрасной комнаты. Мама рассказывала – когда в первую брачную ночь рабы оставались в общей комнате, их кровать завешивали простыней. Что до мужей... Я не жалею, большинство наших мужчин неплохие, но ваш муж... такой чистый, такой... милый. И щедрый. Он настоящий джентльмен. А бывают грубые мужчины, от которых дурно пахнет, и они хотят, чтобы девушки брали его в рот, прежде чем...

– Что брали в рот?

– Ой... Не важно, я говорю чепуху. Благослови вас Господь! – выпалила Мэри и выбежала из комнаты, закрыв за собой дверь.

Неожиданно Альва поняла, о чем говорила Мэри, и ахнула. Неужели люди таким занимаются? И ей тоже придется делать это?

Она повернулась к зеркалу и посмотрела на нервную юную леди, которая уставилась на нее из отражения. «Кажется, ты хочешь убежать».

Что, если и в самом деле сбежать? Она ведь уже замужем. Отцу заплатили. Надеть дорожный костюм, улизнуть из отеля и взять билет на поезд, который идет куда-нибудь на запад. В Буффало, например. Или на Ниагару. Устроить себе собственный медовый месяц, а все расходы запишут на счет Вандербильтов. Съездить в Чикаго или в Сент-Пол. Центральная часть страны должна быть прекрасным местом, хотя и диковатым. Она будет избегать диких мест с индейцами и придерживаться городов. Какие города есть за Сент-Полом? Сан-Франциско. Но туда долго добираться, нужно пересечь горы. Горы, которые, по слухам, могут соперничать с

Альпами. Хотя, скорее всего, это преувеличение – люди, приезжающие с запада, очень любят все приукрашивать.

Альва прекрасно отдавала себе отчет, что причина ее размышлений одна-единственная: страх, а страх она в себе поощрять не собиралась. Что бы ее ни ожидало, она встретится с этим лицом к лицу. Теперь она – замужняя женщина и не должна бояться того, чем спокойно и без паники занимаются большинство женщин.

Альва распустила волосы, воспользовалась горшком, как сказала Мэри, забралась на кровать и села спиной к подушкам.

Сложить руки на коленях или нет?

Положить ногу на ногу или сидеть ровно?

Если она не станет укрываться одеялом, будет ли это чересчур неприлично? Альва натянула одеяло на колени и поняла, что выглядит так, будто собралась послушать сказку на ночь. Она слезла с кровати, застелила ее и уселась на покрывало.

Вся эта таинственность и неопределенность! Встретить его сидя или лежа? Погасить лампу? Подкинуть дров в камин или оставить как есть?

«Ты доска, а он – колышек...»

В тот день в ванной, до того, как вошла мама, Альва стянула ткань с бедер, с одной ноги, потом с другой и смотрела, как вода устремилась к ее центру, тому самому месту с загадочным предназначением. И тогда, и сейчас ей на ум приходили картины, которые она видела за границей в музеях и при дворе – томные обнаженные женщины в сопровождении херувимов, нимф, служанок или придворных, некоторые в страстном объятии с лебедем. Молочные груди, животы и бедра без смущения открыты взору художника...

«Ты что, животное?»

Эти картины считают шедеврами, за ними охотятся коллекционеры, их выставляют в лучших галереях мира. Почему чувственность приветствуется в искусстве, но не в реальности? Что, если мама ошибалась?

Она вздрогнула, услышав шум за дверью. В любую секунду ручка может повернуться и...

Тишина.

Раскрасневшись, она ждала того мгновения, когда муж появится на пороге.

Он заметит ее румянец и обвинит в безнравственности, отошлет обратно к отцу или запрет и приставит к ней доктора.

Он заметит ее румянец и будет польщен. Посмотрит на нее влюбленным взглядом. Он станет целовать ее до потери чувств.

Но нет. Ручка не повернулась.

В комнатах царила тишина.

Полено в камине треснуло и шевельнулось, пригасив огонь.

Снаружи не доносилось ни звука.

Сердце перестало выпрыгивать из груди, и, незаметно для себя, Альва уснула.

Альва проснулась от холода. Огонь в камине потух, и в комнате было совсем темно. Муж, одетый в ночную рубашку, стоял на коленях у кровати, его лицо возле ее лица. От него пахло бурбоном.

– Мы должны это сделать, – проговорил он, не смотря ей в глаза. Наклонился и поднял пеньюар с ее бедер. – Прошу прощения. Я постараюсь сделать все быстро.

По-прежнему избегая ее взгляда, Уильям взгромоздился сверху. Альва замерла. Он немного повозился, потом втолкнул себя внутрь ее тела. Альве было больно, но она не смела пошевелиться и только зажала ладонью рот, чтобы не кричать. Она смотрела на один из столбиков кровати и не разрешала себе плакать.

– Прощу прощения, – повторил Уильям, не останавливаясь. Это продолжалось бесконечно. – Я стараюсь... – сказал он, и Альва не смогла больше сдерживать слезы, которые заструились к ушам и волосам, потекли по шее.

Она думала об этих прохладных ручейках, а он продолжал двигаться. От боли у нее внутри все горело, она не знала, сколько прошло времени. Потом ритм его движений сбился, стал хаотичным, он вдруг остановился, застонал, вздрогнул и спустя мгновение слез с нее.

– Ну, вот и все, – произнес Уильям и похлопал ее по бедру. Поправляя рубашку и вставая с постели, продолжил: – Когда у нас родится ребенок, его первым языком будет французский, вы согласны? – Он не стал дожидаться ответа и добавил: – Я оставлю вас, отдыхайте. Сегодня был долгий день. Доброй ночи.

Альва лежала в оцепенении. Та часть ее тела, которую запрещено было называть, место, которое могло приносить невероятное удовольствие, предназначалась для этого?

– Ха! – Она засмеялась, однако то был смех сквозь слезы.

Неужели мы сотворены, чтобы выполнять эти странные действия, приносящие лишь стыд и боль? Неужели так задумал Бог? Кажется, он не сильно позаботился о Еве...

Проснувшись в прекрасной бело-голубой комнате, Альва сперва не поняла, где находится. Потом вспомнила, что произошло ночью, и горло у нее сжалось.

«Я не заплачу».

Из-за занавесок скользнули лучи солнца, однако в комнате было холодно, а домашнего платья поблизости не наблюдалось. Что же ей делать? И где Мэри?

«Я хочу домой».

То, что Уильям совершил с ней ночью, он будет повторять в любое время, когда ему захочется.

«Ну, вот и все».

И единственная причина, по которой она это терпит, – деньги.

Значит, она – своего рода продажная женщина. Или нет?

Нет, конечно, нет. Альва сказала себе вслух:

– Это неправда. Я делаю это не только ради денег. И для него я не только развлечение. Я буду смотреть за домом, я буду вынашивать его детей. Я стану самой прекрасной хозяйкой в мире. Он меня обожает – разве его поступки говорят не об этом?

Она встала, разожгла огонь в камине и умылась над фарфоровым тазом. Мэри пришла помочь ей с утренним туалетом, и Альва ей ничего не сказала. Не могла взглянуть ей в глаза, даже когда Мэри заметила, расчесывая ее локоны:

– Мама говорит, ваши волосы – настоящее богатство.

Мэри собрала пряди в замысловатый узел, заколола его и закрепила над левым ухом серебряный гребень с бисером – подарок Консуэло.

– Ну вот, все готово, – заявила служанка. Отражение в зеркале подтвердило ее слова. – Какое сегодня выберете платье?

– Желтое... Нет, зеленое. Нет... – Альва спрятала лицо в ладонях. – Я не знаю.

– Зеленое. Цвет радости.

– Да. Хорошо. – Альва отняла руки от лица и постаралась улыбнуться. – Цвет радости. Именно то, что мне нужно.

За завтраком в ресторане на первом этаже Уильям был бодр и весел. Альва старалась ему подыгрывать, хотя никак не осмеливалась смотреть в его глаза. Он тоже, кажется, ее стеснялся. Пока она наслаждалась колбасками, яйцами бенедикт и тостом с джемом, они говорили о повозках и о том, не хочет ли она иметь свою собственную. Уильям сообщил ей, какие лошади в фаворитах на сегодняшних скачках. Сказал, что хочет купить ей новую шляпку. Ей ведь нужна новая шляпка? И несколько платьев? Он заметил, что она обходится малым. Может

быть, новый зонтик? Альва смотрела на мужа, не произнося ни слова, пытаясь увязать происходящее с событиями ночи.

По всей видимости, как показали прошедшая ночь и сегодняшнее утро, Уильям – самый настоящий джентльмен, мужчина, который не обременяет свою жену непонятными просьбами, человек с безупречными манерами. А она – доска. Хвала небесам, они вели себя именно так, как положено.

И Альва ответила:

– Благодарю вас, это было бы чудесно.

Набравшись уверенности, Уильям повторял то, что сделал в первую брачную ночь, еще двенадцать ночей подряд. Прервался он, лишь когда Альва сообщила Мэри, что у нее начались месячные. В ту ночь Мэри осталась ждать за дверью спальни. Лежа в кровати, Альва услышала, как она говорит Уильяму:

– Миссис нездоровится. На этой неделе, – добавила девушка и больше не сказала ни слова.

Альва почувствовала невероятное облегчение, хотя и сомневалась, что это правильно. Уильям ведь просто выполняет свой долг. А ее долг – хотеть того же, что и он, – поскорее произвести на свет наследника. А чтобы наследник появился, нужно проводить ночи с мужем. Поэтому она должна этого хотеть. Только вот не хочет.

«Ты не должна подавать виду, будто тебе нравится то, что он делает».

Ха! Если бы на это был хоть какой-то шанс.

Как же все непонятно.

Наверное, она как-то неправильно ко всему относится.

Вернувшись домой после четырех недель, проведенных в пригороде, на ипподроме, играх в конное поло, в театре; недель, заполненных ужинами в ресторанах с многочисленными новыми знакомыми, вечеров, во время которых оживленные беседы скрывали обреченное ожидание того, что случится ближе к ночи, Альва заперлась в своей новой полосатой спальне и целый день лежала в постели, благодаря судьбу, что не видит никого, кроме Мэри.

На второй день после приезда она надела новую шляпку и в своем новом экипаже отправилась к сестрам, которые теперь жили в светлом и просторном доме, где у каждой имелась своя комната, а в кладовой никогда не заканчивалась еда. И все, что для этого требовалось, – вести жизнь замужней дамы, жизнь, к которой она так стремилась, которая дала ей все удобства и привилегии. Да, за них приходится платить не самую приятную цену, однако такова природа брака, и она должна всегда об этом помнить.

– Папа не спит? – спросила Альва у сестер, застав их за обедом.

Через высокие окна, выходящие на улицу, в комнату лился свет. На столе – новые тарелки из фарфора цвета слоновой кости с нежной цветочной росписью по ободку – то, что нужно для весны.

Дженни покачала головой:

– Нет, но, кажется, ему стало легче. Доктор прописал ему морфин.

– Значит, все хорошо, – заметила Альва, хотя все понимали, что слово «хорошо» в данном случае приобрело совсем другое значение. – Едем со мной, к отцу я зайду после. Надо немного развеяться. Заглянем к миссис Бьюкенен.

– Кто это? – поинтересовалась Джулия.

– Портниха. Я хочу сделать вам подарок.

– К чему нам новые платья? – усомнилась Армида. – Лучше расскажи, как прошел медовый месяц. На скачках было интересно?

– За себя говори, – возразила Джулия. – Я люблю все новое.

– А ты, Дженни? – обратилась Альва к третьей сестре.

– Да это лучше, чем Рождество!
Они с Джулией пошли за пелеринами.
Когда они собирались выходить, вниз спустилась Лулу.
– Наша миссис Вандербильт! Вы даже выглядите иначе!
– И это только начало! Мы отправляемся туда, где превращают в настоящих светских дам!

– Моя Мэри обо мне совершенно забыла, – пожаловалась Лулу. – Прислала всего одну открытку, дочка называется. Я надеюсь, от своих обязанностей она так не отлынивает.

– Отлынивает? Напротив – прекрасно со всем справляется. Я без нее как без рук. Просто у нас было слишком много дел. Вы увидите с ней в воскресенье. Как папа?

Лулу устремила взгляд вверх.

– Совсем не ест и все время хочет спать. Вы могли бы побыть у него немного.

– Обязательно побуду, когда вернемся. А сейчас у нас важное дело.

Прибыв в магазин, Альва обратилась к строгой даме:

– Встреча нам не назначена, но счет оплатит мистер Вандербильт.

– Миссис Бьюкенен будет рада вас принять.

Через пять дней Альва вновь ехала в новом экипаже и еще одной новой шляпке к новому дому отца, чтобы, сидя у его кровати, увидеть, как он умрет.

Все говорили, что для него это облегчение. Все согласились, что теперь он не будет мучиться.

Нью-Йорк, 1 июля 1875 года

Милая Консуэло!

Этот твой виконт Мандевилль, он же лорд Кимболтон, он же Джордж Монтегю и, наконец, герцог Манчестер²⁷ – знает ли он, обладателем какого сокровища стал? Признаюсь, я немного тебе завидую... Помнишь, как девочками мы играли в Париже в «герцогинь», выдумывая имена и путая все титулы?

Однажды я обращаюсь к тебе «Ваша милость» – не позволяй этому вскружить себе голову. А я постараюсь не думать о том, как сильно буду по тебе скучать, – уверена, ты станешь пропадать в Англии и совсем забудешь Нью-Йорк.

И не извиняйся за то, что долго не отвечала на мое прошлое письмо, – ты ведь не можешь постоянно думать о своих замужних подругах, веселиться тоже нужно. И мне бы хотелось сейчас быть с тобой в Саратога-Спрингс и танцевать всю ночь напролет. Хотя теперь я не скоро смогу появиться на балу. Я любила отца, но с обычаем соблюдать траур я не согласна. Почему он должен длиться так долго? Платья, которые я заказала в мае, можно будет надеть только следующей весной. Что, если к тому времени я уже буду ждать ребенка и так и не успею их надеть? Это совершенно бессмысленно и выгодно только портнихам. Папа не был бы против, надень я вместо черного зеленый, желтый или голубой. Даже в алом я бы не скучала по нему меньше.

Спасибо, что прислала записку от нашей дорогой леди Черчилль²⁸. Мне показалось, что она скорее без ума от своего новорожденного сына, чем от

---

²⁷ Джордж Виктор Дрого Монтегю (1853–1892) – восьмой герцог Манчестер.

²⁸ Дженни Черчилль – знаменитая красавица, дочь американского финансиста, супруга младшего сына герцога Мальборо Рэндольфа Черчилля, мать сэра Уинстона Черчилля.

своего господина и повелителя. Хотя, возможно, я неправильно поняла ее слова об отсутствии Рэндольфа?

Я целыми днями делаю визиты и раздаю задания по дому – так хорошо, что в жизни есть хоть что-то предсказуемое. По вечерам мы часто устраиваем приемы. Юные наследники очень любят Уильяма за его познания в области скачек и рысаков и умения править упряжкой. Он говорит, что Оливер Белмонт, чей отец вместе с отцом леди Черчилль был основателем ипподрома Джером-Парк, стал практически его тенью. Некоторые утверждают, будто Белмонты – евреи, но, поскольку старший мистер Белмонт женился на дочери Командора Перри, я бы этим слухам не верила. Семейство Перри – непреклонные христиане.

Завтра утром мы с Уильямом переезжаем в дом его деда на Статен-Айленде – сам он неважно себя чувствует, поэтому предложил нам, Корнелию и Элис пожить там до конца лета. Как же здорово будет выбраться из города!

Жду твоего ответа. Обещай, что выйдешь замуж здесь, в Нью-Йорке, где все твои друзья смогут искупаться в лучах твоей славы.

С любовью,

Альва

Глава 7

Свадьба Джорджа Монтегю и Консуэло Изнаги состоялась в Нью-Йорке следующей весной. В прессе она получила широчайшую огласку, хотя о будущем герцоге газетчики писали гораздо больше, чем о леди, которую он взял в жены.

– Что бы они там ни писали, – заявила Консуэло, заглянув к Альве последний раз перед тем, как отправиться в Англию, – я стала леди Мандевилль.

– Будущая герцогиня Манчестер. Ты добила всё, чего хотела.

– Это правда. И мы с герцогом прекрасно проводим время. – Игриво улыбаясь, Консуэло вставила сигарету в серебряный мундштук и закурила.

До знакомства с Мандевилем Консуэло не курила. Интересно, она стала это делать, чтобы казаться более утонченной перед английским двором? Американские леди на людях не курили, но, возможно, с английскими дело обстояло иначе. Если бы когда-то отец Альвы отправил семью из Парижа в Лондон, теперь она знала бы это наверняка. Возможно, сейчас она сама была бы придворной дамой и готовилась стать герцогиней.

Не то чтобы ей понравился Мандевилль. Похожий на борзую лицемерный денди, любящий непристойные шутки, – он ее отталкивал и в то же время будоражил ее воображение. Казалось, он может заставить леди сделать что-то против ее воли. И леди это даже понравится.

Альва постаралась не думать об этом.

– Я так рада за тебя, – сказала она подруге.

– Судя по твоему виду, совсем наоборот.

– Просто мне тоже хочется «прекрасно проводить время». Дело в том, что мои материальные нужды удовлетворены, и родственники Уильяма меня приняли замечательно, но...

– Тебе скучно.

– Нет, скучать мне некогда. Хотя я сейчас и ношу траур, свободного времени у меня практически нет! Но... дело не в том, что происходит днем...

– Альва, перестань юлить. В чем дело?

– Супружеский долг. Это просто кошмар, – выпалила Альва. – Это больно. Унизительно. Неужели всю жизнь придется терпеть?

Консуэло удивленно похлопала ресницами и наконец произнесла:

– Нет, конечно, нет. Если все настолько плохо, ты можешь не пускать его к себе.

– Но как? Ставить служанку у дверей каждый вечер?

– Зачем? Просто скажи ему об этом.

– Просто сказать?

Альва не могла себе такое даже вообразить.

– Да, так же, как ты говоришь: «Сегодня мы ужинаем у моей сестры» – или что-то подобное.

– Но тогда я не смогу забеременеть... А тебе и правда приятно делать это с Мандевилем?

Пробили каминные часы.

– Мне пора! – спохватилась Консуэло. – За мной должен прийти экипаж. – Она поднялась, Альва тоже встала. – Приятно ли мне? Я ведь тебе сказала, что прекрасно провожу время. Если ты расскажешь Уильяму, что тебе нравится, а что нет, все станет проще. Сколько я тебя знаю, ты никогда не стеснялась высказывать свое мнение.

– Да, конечно, – согласилась Альва, не признаваясь в своем стеснении. Она ведь читает еженедельник «Вудхалл и Клафлин»²⁹, который призывает женщин к независимости (не говоря уже о свободной любви). Она должна быть такой же современной, как подруга.

---

²⁹ «Вудхалл и Клафлин» – еженедельная газета, которую выпускали Виктория Вудхалл (1838–1927) и Теннесси Клафлин

– Я просто стараюсь к нему приспособиться, вот и все...

– Настоящая леди.

– Скорее доска. – Альва сделала вид, что шутит.

– Какой кошмар! Неудивительно, что мужчины в наши дни так часто навешиваются к потаскухам, – рассмеялась Консуэло и обняла Альву. – Мне ужасно не хочется оставлять тебя. Но я обещаю писать тебе так часто, что ты начнешь сжигать мои письма, не открывая.

– А я тебе вообще писать не буду за то, что ты меня бросаешь.

Консуэло еще раз крепко ее обняла.

– До свидания. – На глазах у нее заблестели слезы.

– До свидания, – сказала Альва, провожая взглядом подругу.

До самого вечера она думала об этом разговоре, о том, как легко соскользнуло с губ Консуэло слово «потаскуха», которое немислимо было услышать от нее прежде. По всей видимости, она заразилась такой бесцеремонностью от Мандевиля, поэтому следовать ее советам в этой области, пожалуй, не стоит. Альве не хотелось проводить время «прекрасно», по меркам Мандевиля. Ей хотелось, чтобы ее уважали – а Мандевиль наверняка не уважал ни свою жену, ни женщин вообще. Не стоило начинать с Консуэло подобный разговор...

Ночью Уильям пришел к ней в спальню. Пока он выполнял свой долг, Альва заставляла себя думать о летнем Провансе, лавановых полях и подсолнухах... Еще несколько толчков, он тихо простонал и задрожал всем телом.

Неожиданно она подумала, что все это унижительно даже для него.

Уильям слез с нее, пожелал доброй ночи и вышел из комнаты.

Спустя три недели не пришли месячные. Альва вызвала доктора, чтобы он подтвердил то, чего она и ждала и боялась больше всего. Сидя в противоположном конце салона, доктор задавал вопросы об аппетите (зверский), настроении (непостоянное), а также о том, сколько времени прошло с тех пор, как (он был необычайно деликатен) она чувствовала себя неважно в последний раз. Потом он осмотрел ее глаза, шею, кожу рук и вынес вердикт:

– Вполне вероятно, что вы и в самом деле в интересном положении. Не удивляйтесь, если по утрам начнете испытывать тошноту, – это скоро пройдет. – Он достал из кармана пальто блокнотик и что-то записал. – Я зайду к вам через несколько недель. Если возникнет необходимость, не стесняйтесь обратиться и раньше. Рассчитывайте на то, что ребенок родится в конце февраля или в начале марта. Ваш муж дома?

– Сейчас он скорее всего в офисе на Центральном вокзале. Или в клубе.

– В «Юнион»? – уточнил доктор и добавил: – Если понадобится, я загляну и туда, чтобы сообщить ему о вашем положении.

– Вы думаете, я не в состоянии сказать ему об этом самостоятельно?

– Не в состоянии? Нет, что вы, дело вовсе не в этом. Дело в авторитете. Я все-таки врач.

– А я буду вынашивать ребенка.

– Миссис Вандербильт, – сказал доктор, похлопав ее по руке. – Я всего лишь пытаюсь сэкономить время и избавить вас от неловкости. Если ваш супруг вдруг усомнится в новости, он пошлет за мной во время ужина. Если же мы поступим по-моему, сегодня вечером он придет домой с дорогим вином и цветами. Положитесь на меня.

Доктор оказался прав: Уильям принес и то, и другое, и в придачу фарфоровую музыкальную шкатулку, расписанную розами.

– Откройте же ее! – Он был в таком радостном возбуждении, что Альве показалось, он вот-вот завиляет хвостом.

Она подняла крышку. На черном бархате сверкала филигранная подвеска с бриллиантом размером почти с ноготь большого пальца.

– Поставщик камней моего знакомого проиграл мне в карты, поэтому мне удалось получить скидку. И все равно пришлось занять у отца, – сообщил Уильям, доставая подвеску из шкатулки. Он наклонился, чтобы застегнуть цепочку на шее Альвы. – Впрочем, я думаю, он забудет об этом долге – ведь он в вас души не чает.

– Уильям, как красиво, – сказала Альва, взяв подвеску в ладонь, чтобы рассмотреть поближе. Она была тяжелой, холодной, нелепой и очень ей нравилась.

– И это лишь начало! Представьте, сколько у вас будет драгоценностей, когда наш дом наполнится детскими голосами.

«Продолжение рода приносит спасение. И, по всей видимости, украшения».

Вслух же Альва произнесла:

– Я очень ценю ваше внимание. Благодарю вас.

– Леди должны получать награду за неудобства, которые им приходится переносить.

Глава 8

В красном платье со шлейфом и тяжелыми жемчугами на шее Альва вальсирует с Луи-Наполеоном у фонтана в Люксембургском саду. Императрица Евгения аплодирует им с высокого мраморного пьедестала. Звук аплодисментов нарастает, превращается в стук и топот, ее голос переходит в громкий лай...

Дверь в спальню Уильяма распахнулась, и собаки побежали вниз по лестнице, Уильям вслед за ними. Альва принялась искать спички, чтобы зажечь лампу.

Через лай собак из холла донесся голос Уильяма:

- Ради всего святого, что происходит?
- Сэр, Командор умирает, – прокричал человек.
- Кто тебя прислал? – спросил Уильям, успокаивая собак.
- Ваш отец, сэр.
- На этот раз он уверен?
- Кажется, да.

Наконец-то. Бедный Командор мучился уже несколько месяцев, а репортеры из «Таймс», «Уорлд», «Трибьюн», «Сан» и других газет околачивались у дома Вандербильтов день и ночь в ожидании его смерти. Начиная с весны, каждый из них надеялся первым поведать об этом миру, и уже не раз они опережали события, создавая громкими заголовками смятение на бирже. В июле газеты даже обошли вниманием столетие Дня независимости, ибо ходили слухи, якобы Командор уже одной ногой в могиле. Никто не думал, что умирать он будет так же яростно, как жил. Еще пару недель назад он подошел к окну своей спальни во втором этаже, поднял раму и прокричал:

– Будьте прокляты, грязные стервятники! Я еще не умер!

Уильям постучал к Альве и вошел в комнату. Босиком, с растрепанными волосами, в одной ночной рубашке, он напоминал Джорджа. Хотя молчаливый, задумчивый Джордж, который предпочитал обществу людей книги, был прямой противоположностью Уильяма. Настолько же он не походил на резкого и мрачного Корнелия или непоколебимого Фредерика. «Совершенно непонятно, что из него получится», – говаривал Уильям. «Но ведь он просто такой, как есть. Что в этом дурного?» – возражала Альва. «Чтобы добиться успеха в обществе, есть несколько способов. И для Джорджа ни один из них не подходит».

Гончие вбежали в спальню. Уильям свистом позвал их к себе.

– Я полагаю, вы все слышали. Дед очень плох. Я должен к нему отправиться.

– Я поеду с вами.

– Вам не стоит беспокоиться... Особенно учитывая ваше положение.

– Но я хочу поехать, – солгала Альва. Меньше всего на свете ей хотелось видеть очередную смерть. – Ведь Элис приедет с вашим братом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.